№ 734

Суммы в руб.

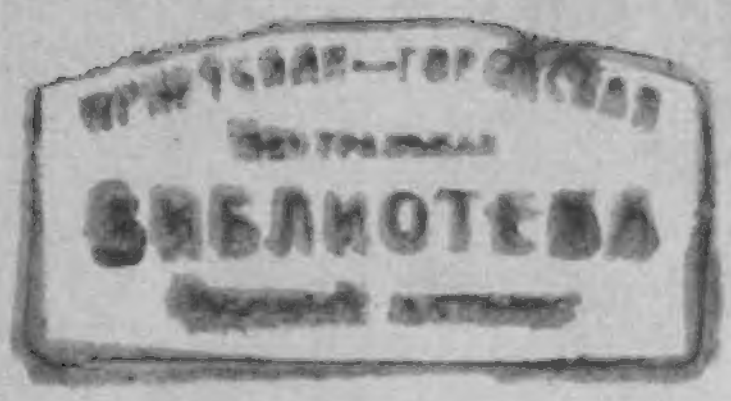
19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29

Сибирский
Архив.
1912 г. № 12

99731.

Годъ 1 Октябрь 1912 г. №12-й.

05(57)
9
С-34



Сибирскій Архивъ.

Журналъ археологіи, исторіи и этнографіи Сибири.

99731

Дбц.

ИРКУТСКЪ.
Эл.-тип. Т-ва «М. П. Окуневъ и К°».
1912.

Редакторъ-издатель *А. Лижьковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„Сибирскій Архивъ“

ТОМЪ ВТОРОЙ.

1912 г. Май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, октябрь. 1912 г.

I. СТАТЬИ.

	Стран.	№ книжки.
1. **А. Линьковъ.** Ростъ учебнаго дѣла въ Восточной Сибири	505	7
2. Письма **И. Д. Черскаго**	543	»
3. **В. Загорскій.** Изъ исторіи колонизаціи русскими Иркутскаго края . .	556	»
4 **Н. Гурьевъ.** Старинныя могилы на сибирскихъ кладбищахъ	566	»
5. **Свящ Б. Герасимовъ.** Изъ жизни Бухтарминской долины	562	»
6. О бракахъ среди бурятъ буддистовъ и шаманистовъ Иркутской губерніи	575	»
7. **П. В. Собокаревъ.** Отрывки изъ дневника иркутскаго обывателя . .	579	»
8 **А Ермолаевъ.** Свадебные наговоры дружки въ ангарской деревнѣ . .	585	8
9 **А. М. Серебрениковъ.** Н. Г. Чернышевскій въ Вилюйскѣ	595	»
10 **Загорскій В.** Защита Амура въ крымскую кампанію	612	»
11. **Свящ Герасимовъ** Поѣздка арх. Георгія въ Бухтарминск. крѣпость .	620	»
12. **Н Протасовъ.** Изъ бурятскихъ сказаній	623	»
13. Къ исторіи Николаевскаго завода .	632	»
14. **Прот Д. Гагаринъ** Десятилѣтіе братства Св. Иннокентія	647	»
15. **Д. М. Хрусталевъ.** Идейный страдалецъ	665	9
16. **Георгіевичъ.** Десятилѣтіе семипалатинскаго подъотдѣла И. Р. Г. Общества	679	»

17. **Г. П. Казаковъ.** Изъ исторіи иркутскаго театра 711 12
18. **А. К.** Солнечное затменіе въ Иркутскѣ 7 августа 1887 года . . 733 »
19. Дневникъ **Н. И. Витковскаго** . . 745 10
20. **Загорскій В.** Изъ начальной исторіи приходскихъ училищъ въ Иркутской губерніи . . . . . 754 »
21. **А. Савельевъ.** Порядокъ встрѣчи ИМП. АЛЕКСАНДРА I во время предполагавшагося путешествія Его по Сибири . . . . . 761 »
22. **А. Линьковъ** Рѣчь въ день 50 лѣтія иркутской первой И. С Хаминова гимназіи . . . . . 864 »
23. **М. Овчинниковъ** Свадебныя пѣсни 778 »
24. **А. М. Серебренниковъ.** Первое знакомство съ Иркутской Городской Управой . . . . . 806 »
25. Дневникъ **Н. И. Витковскаго** . 825 11
26. Изъ жизни Томскаго коммерческаго училища . . . . . 838 »
27. **А. Савельевъ.** Изъ жизни сибирскаго духовенства въ первую половину XIX вѣка . . . . . 849 »
28. **М. Овчинниковъ.** На моей памяти . 855 »
29. Донесеніе іер. Сергія объ его жизни въ Ургѣ . . . . . 879 »
30. **Н. Мокѣевъ** Иркутскій Хлестаковъ 886 »
31. **М. Овчинниковъ** Старинная свадьба въ с Рыбинскомъ . . . . . 888 »
32. **Морякъ.** Сибирскіе дѣятели . . . 905 12
33. **Г. Б. Баитовъ.** О забытыхъ культурныхъ одиночкахъ . . . . . 913 »
34. **П. Собокаревъ.** Пріисковыя воспоминанія . . . . . 922 »
35. **Н. Мокѣевъ.** Иркутское Іерусалимское кладбище . . . . . 927 »
36. **М. Овчинниковъ.** Старинная свадьба въ с. Рыбинскомъ . . . . . 939 »
37. **А. М. Серебренниковъ.** Изъ скитаній по сельско-врачебной части . . . 962 »

II. ЗАМѢТКИ.

VIII Прошеніе потомка полковника Искры. 656. *С. Б. Гер—овъ.* Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ въ Бухтарминской крѣпости. 657. *А. Ермолаевъ.* О тунгусахъ въ Красноярскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи. 659. *В. Николаевъ.* Изъ Якутской старины. 560 *С. Б Г.* Фрейлины въ Усть-каменогорскѣ. 662. *С. Б. Г* Семеновцы въ Семипалатинской области. 662. *А М.* А. Г. Головня. 662. Изъ желѣзнодорожныхъ мелочей. IX. *В. З.* На «чай». 737. Объявленіе Иркутскаго военнаго генер.-губернатора 20 октября 1905 г. 740 Адресъ иркутской думы сиропитательному дому Е. Медвѣдниковой и учрежденному при немъ банку. 740. *Н. Гурьевъ* Кантъ гр. Сперанскому. 742. *Н. Максимовичъ-Васильковскій.* На гробъ капитана Делонга и его товарищей. 743. *С. Б Г.* Священникъ—силачъ. 743. X. Изъ минувшей-увойны 811. Приданое А А Трапезниковой. 813. Деховное завѣщаніе П. І. Катышевцева. 819. Историческая справка о гражданской зрѣлости Сибири. 823. XI *А. Савельевъ.* Къ положенію въ Сибири поляковъ, ссыльныхъ повстанцевъ 1863 г. 898. *А Савельевъ* О проступкахъ сибирскаго духовенства. 899. *Петръ Че—нъ.* Японцы въ Сибири въ XVIII ст. 900 *Ив. Любимовъ.* Изъ бурятскихъ народныхъ сказаній. 901. *Петръ Чечинъ.* Новый изслѣдователь Центральной Азіи.

СИБИРСКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

I.

Н. П. Матвѣевъ піонеръ журналистики на Дальнемъ Востокѣ.

(Николай Амурскій).

Я хочу сказать о Николаѣ Петровичѣ Матвѣевѣ, основателѣ и редакторѣ перваго въ Сибири научно-литературнаго журнала „Природа и Люди Дальняго Востока".

Николай Петровичъ представляетъ изъ себя слишкомъ крупную величину.

На русскомъ Дальнемъ Востокѣ, подъ которымъ я подразумѣваю нашъ Приамурскій Край, многіе знаютъ Николая Петровича и какъ виднаго общественнаго дѣятеля, положившаго въ качествѣ гласнаго владивостокской городской думы много энергіи и труда на улучшеніе жизни владивостокскаго обывателя, и какъ областного изслѣдователя и очень дѣльнаго члена Общества Изученія Амурскаго Края и, наконецъ, какъ стараго и самаго виднаго мѣстнаго работника пера. У насъ же въ Сибири о Н. П. мало кто слышалъ. Конечно, отсюда я исключаю „газетную братію", которая могла познакомиться съ очеркомъ о литературной дѣятельности Н. П. Матвѣева, помѣщеннымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ во владивостокской газетѣ «Далекая Окраина».

Однако заслуги Н. П. Матвѣева во многомъ напоминаютъ заслуги маститаго Н. Г. Потанина. Какъ Потанинъ отдалъ свою душу Сибири, такъ точно Н. П. Матвѣевъ отдалъ свою душу русскому Дальнему Востоку.

Судьба случайно столкнула меня съ Николаемъ Петровичемъ, и вотъ потому то я и хочу подѣлиться съ читателемъ своими о немъ воспоминаніями.

Это было въ 1905 году, какъ разъ въ то самое время, когда кончалась кровавая русско-японская война.

Жилъ я тогда въ скверненькомъ городишкѣ Нерчинскѣ, куда съ паденіемъ Портъ-Артура переведена была мужская гимназія.

Когда телеграфъ сталъ приносить изъ Портсмута, гдѣ начались мирные переговоры между уполномоченными Россіи и Японіи, успокоительныя извѣстія, владивостокское общество, ожидая скораго возвращенія изъ Нерчинска обратно во Владивостокъ гимназіи, командировало Н. П. Матвѣева въ Нерчинскъ.

Хлопотъ и работы въ Нерчинскѣ для Н. П. предстояло не мало. Являясь уполномоченнымъ отъ лица не одной сотни владивостокцевъ, дѣти которыхъ обучались въ переведенной въ Нерчинскъ гимназіи, онъ долженъ былъ, насколько возможно, улучшить бытъ гимназистовъ, приложить всѣ силы къ возможно скорѣйшему переводу гимназіи во Владивостокъ, а когда состоится этотъ переводъ, хлопотать о безплатной перевозкѣ гимназистовъ по желѣзной дорогѣ отъ Нерчинска до Владивостока.

Какъ разъ передъ командировкой Н. П. во владивостокскихъ газетахъ появился рядъ корреспонденцій изъ Нерчинска, въ которыхъ рисовалось плачевное положеніе быта гимназистовъ въ этомъ городѣ.

Н. П. самъ имѣлъ двухъ сыновей въ гимназіи и потому тѣмъ болѣе принялъ близкое и горячее участіе въ улучшеніи положенія учащихся въ гимназіи, оторванныхъ, вслѣдствіе войны, отъ своихъ родныхъ домовъ и заброшенныхъ въ нелюдимый Нерчинскъ.

Во время командировки Николая Петровича въ Нерчинскъ я и познакомился съ нимъ.

Остановился онъ въ Нерчинскѣ въ небольшомъ домикѣ по главной улицѣ, если не ошибаюсь, носящей названіе Дворянской, стоящемъ почти рядомъ съ гимназіей, подъ которую былъ отведенъ двухэтажный домъ Рифа.

Добродушный, ласковый, общительный и простой Николай Петровичъ сразу завоевалъ къ себѣ мое расположеніе и я частенько подолгу засиживался въ его квартиркѣ.

Однажды Н. П. повѣдалъ мнѣ, что уже получилъ разрѣшеніе на изданіе во Владивостокѣ еженедѣльнаго журнала съ иллюстраціями подъ названіемъ „Природа и Люди Дальняго Востока“.

Было это до 17 октября 1905 года, когда полученіе разрѣшенія на какое нибудь изданіе считалось цѣлымъ событіемъ. Не мудрено потому, что Н. П. не разъ мнѣ говорилъ:

— Если бы вы только знали, сколько труда и хлопотъ приложилъ я, чтобы получить разрѣшеніе на изданіе своего журнала! Сколько мытарствъ! Но все же я счастливъ: достигъ своего!

Затѣмъ Н. Н. рисовалъ передо мной свои будущіе планы.

— По пріѣздѣ во Владивостокъ,—говорилъ онъ,—я примусь за оборудованіе собственной типографіи. Она у меня будетъ маленькая. Да и зачѣмъ мнѣ большая? Пусть выпускаетъ только мой журналъ. Программа моего журнала будетъ разнообразна. Конечно, главное мѣсто въ немъ, какъ и показываетъ само названіе, будетъ отведено жизни народовъ Сибири и Дальняго Востока. Самъ я родился во Владивостокѣ, выросъ въ семьѣ, и имѣю много интересныхъ воспоминаній. Къ тому же и весь Приамурскій Край хорошо мнѣ извѣстенъ. А вѣдь это большой плюсъ. Начиная въ нашихъ углахъ какое-либо изданіе, нельзя первое время вѣдь надѣяться на многихъ сотрудниковъ. Я уже редактировалъ газету и знаю, что дальневосточный редакторъ долженъ не только подбирать матеріалъ для печати, но и самъ писать статьи, корректировать ихъ, подчасъ стоять надъ сверткой номера, завѣдывать продажей газеты. И ко всему этому прибавьте самое главное: вѣчно думать что вотъ—вотъ наборщики загуляютъ, замѣнить ихъ некому, и номеръ изданія можетъ своевременно не выйдти! Зная все это, я все же приступаю къ изданію журнала. Я уже получилъ изъ Петербурга и Москвы рядъ клише, изготовленныхъ съ моихъ фотографій, иллюстрирующихъ жизнь нашего края. Внѣшностью мой журналъ будетъ походить на «Ниву», содержаніемъ же на Сойкинскій журналъ «Природа и Люди». Много, много предстоитъ мнѣ работы впереди. Думаю бросить свою службу на желѣзной дорогѣ и всецѣло отдаться журналу. Да и какъ не отдаться, когда съ мыслью объ его изданіи я уженошусь нѣсколько лѣтъ, только война помѣшала мнѣ осуществить ее раньше.

Н. живя въ Нерчинскѣ, занятый съ ранняго утра до поздней ночи дѣлами при гимназіи. Н. Н. все же не оставлялъ своего любимаго занятія и ночами писалъ корреспонденціи и статьи въ газеты.

Онъ тогда работалъ въ «Владивостокскомъ Листкѣ» Подпаха, получая опредѣленный 100 руб. окладъ въ мѣсяцъ и въ «Харбинскомъ Листкѣ» Ровенскаго, гдѣ получалъ, кажется, по 10 коп. за строчку.

Здѣсь умѣстно замѣтить, что эти двѣ газеты имѣли въ то время небывалый тиражъ: «Владивостокскій Листокъ» печатался въ 6.000 экземплярахъ, а «Харбинскій Листокъ» болѣе 10.000.

Узнавъ, что я занимаюсь фотографіей, П. П. сталъ просить меня сдѣлать для него рядъ снимковъ въ мѣстномъ музеѣ съ картинъ, и съ посуды, сдѣланной арестантами.

— Мѣстный музей много дастъ мнѣ матерьяла,— дѣлился П. П. со мной послѣ осмотра музея.—Здѣсь собраны очень интересные предметы, жаль только, что музей не имѣетъ человѣка, который бы привелъ его въ должный порядокъ. Да и само помѣщеніе подъ музей отведено слишкомъ незначительное. Негдѣ разложить коллекцій.....

Попутно въ Нерчинскѣ интересовала П. П. и казенка. Не разъ онъ просилъ меня снять сценки распивки «мерзавчиковъ» возлѣ винной лавки.

— У насъ этого, слава Богу, нѣтъ!—говорилъ онъ.

Мы пережили въ Нерчинскѣ всеобщую почтовую и желѣзнодорожную забастовку, 17 октября и затѣмъ, благодаря хлопотамъ П. П., въ особомъ поѣздѣ, предназначенномъ для перевозки гимназіи, покатили во Владивостокъ.

Однообразная скучная жизнь въ Нерчинскѣ надоѣла страшно. Тянуло всѣхъ во Владивостокъ.

Поѣздъ нашъ шелъ скоро. Временами только мы по цѣлымъ часамъ на станціяхъ выжидали прохожденія воинскихъ поѣздовъ.

Въ нашемъ же поѣздѣ ѣхалъ и П. П. Монотонная жизнь въ вагонѣ пріѣлась очень скоро. Постоянное бренчаніе, отъ нечего дѣлать, балалайки въ сосѣднемъ съ моимъ купэ, заставляло меня время отъ времени выходить на площадку вагона. Поѣздъ нашъ давно уже пробѣжалъ Забайкалку и мчался по Манджурской дорогѣ, приближаясь къ Харбину. Вечерѣло. Стоя на площадкѣ у раскрытаго окна вагона, я любовался ровными манджурскими полями, кое гдѣ одѣтыми снѣгомъ. Но любоваться долго картиной уже спускавшагося на землю вечера мнѣ не пришлось. Скоро изъ вагона вышелъ П. П. и подошелъ ко мнѣ.

П. П. съ обычной своей заботливостью интересовался меня узнать, какъ я устроился и, получивъ отъ меня

свѣтъ, что устроился я прелестно, сталъ говорить о завтрашнемъ прибытіи въ Харбинъ.

Затѣмъ нашъ разговоръ перешелъ снова на будущій журналъ Н. Н. Долго мы говорили о немъ. Н. Н. увлекался имъ, возлагалъ на него много надеждъ. Случайно во время этого разговора о журналѣ, Н. Н. коснулся своей работы въ дальне восточной прессѣ. Я, воспользовавшись этимъ, попросилъ Н. Н. разсказать мнѣ о своихъ первыхъ шагахъ работы въ газетахъ.

Еще до знакомства съ Н. Н. я часто слышалъ во Владивостокѣ о его статьяхъ въ мѣстной газетѣ «Владивостокъ», издаваемой и редактируемой тѣмъ самымъ Ремезовымъ, которому въ 1906 году талантливый В. Дорошевичъ посвятилъ рядъ очерковъ въ «Русскомъ Словѣ». Николай Петровичъ охотно и откровенно поѣлился со мной своей біографіей

Родился онъ во Владивостокѣ. Родители его были бѣдны, и потому первоначальнаго образованія онъ почти никакого не получилъ. Въ своей молодости онъ работалъ въ портовыхъ мастерскихъ, а затѣмъ послѣ нѣсколькихъ статей въ Ремезовскомъ «Владивостокѣ», бросилъ работу въ порту и всецѣло отдался газетной дѣятельности.

Послѣ нѣкотораго перерыва Н. Н. поступаетъ на желѣзную дорогу, продолжая въ то же самое время работать во всѣхъ существовавшихъ лѣтъ 20-25 тому назадъ газетахъ на Дальнемъ Востокѣ. Между прочимъ, Н. Н. работалъ тогда и въ томскихъ газетахъ.

Отъ станка портоваго рабочаго до передовицъ разстояніе слишкомъ велико. Нужно быть дѣйствительно талантливымъ, выдающимся, чтобы сдѣлать такой огромный скачокъ.

Н. Н. Н., подобно нашему Максиму Горькому, его сдѣлалъ. Постепенно, упорнымъ трудомъ Н. Н. завоевываетъ себѣ литературное имя. Статьи его, подписанные псевдонимами «Николай Амурскій» и Гейне изъ Глуховки», завоевываютъ симпатіи читающей публики.

Въ 1901 году. Н. Н. собираетъ свои стихотворенія, разсѣянныя по разнымъ изданіямъ и выпускаетъ объемистый свой первый сборникъ стихотвореній.

Сборникъ имѣлъ успѣхъ и разошелся очень быстро.

Въ 1904 году. Н. Н. выпускаетъ первую книгу своихъ «Уссурійскихъ Разсказовъ».

Книгу эту печаталъ Сытинъ. Вышла она какъ разъ въ разгаръ войны и, случайно пущена въ продажу въ

Москвѣ, гдѣ за 2-3 мѣсяца разошлась чуть ли не половина всего изданія.

Кромѣ перечисленныхъ сейчасъ мною двухъ сборниковъ, П. П. имѣетъ массу небольшихъ брошюрокъ разнообразнаго содержанія.

Имъ же изданъ путеводитель по Японіи.

По пріѣздѣ во Владивостокъ, я не терялъ связи съ Николаемъ Петровичемъ, и несмотря на то, что жилъ онъ далеко въ Матроской слободкѣ въ собственномъ домѣ на Аѳанасской улицѣ, часто посѣщалъ его.

Но недолго пришлось П. П. пробыть во Владивостокѣ. У него сильно захворала дочь, ей требовалось сдѣлать операцію и П. П., по совѣту врачей, отправился въ Японію.

Въ Японіи онъ пробылъ болѣе мѣсяца, затѣмъ съѣздилъ въ Шанхай, всюду разыскивая сотрудниковъ для своего журнала.

Въ Японіи П. П. досталъ рядъ очень интересныхъ снимковъ, имѣющихъ большой исторический интересъ, а въ Шанхаѣ серію фотографій, иллюстрирующихъ невѣдомую намъ жизнь сыновъ Поднебесной Имперіи.

Пріѣхавъ въ концѣ 1905 года во Владивостокъ, Николай Петровичъ теперь уже съ утра до вечера занятъ приготовленіями къ изданію съ будущаго года своего журнала.

Къ январю 1906 года типографія П. П., наконецъ, была оборудована и въ серединѣ января выходитъ № 1 журнала «Природа и Люди Дальняго Востока».

Журналъ имѣетъ обычный форматъ столичныхъ еженедѣльниковъ. Отпечатанъ на хорошей бумагѣ. Очень красивая внѣшность. Умѣло подобранныя, интересныя статьи, наполовину принадлежащія перу самого Николая Петровича.

Послѣ выхода нѣсколькихъ номеровъ журналъ завоевываетъ симпатіи мѣстнаго читателя и № 1 расходится весь безъ остатка.

П. П. широко открылъ для пишущей братіи двери въ свой журналъ и съ каждымъ номеромъ содержаніе журнала все улучшается и появляются все новые и новые сотрудники.

Журналъ даетъ интересный матеріалъ. Здѣсь идутъ занимательныя очерки о старомъ Шанхаѣ, интересныя злободневные письма изъ Японіи, очерки изъ жизни Забайкалья, присланные Зензиновымъ изъ Нерчинска

разсказы изъ владивостокской жизни. большая историческая повѣсть изъ временъ боксерскаго возстанія «Тунн-вилъ», путешествіе на Камчатку, Чукотскій полуостровъ, Аляску и Соединенные штаты статьи, рядъ статей о жизни инородцевъ Приморскаго края, затѣмъ очень цѣнные этюды самаго Николая Петровича объ изслѣдованіи Приморскаго края и острова Сахалина и много самаго разнообразнаго цѣннаго матеріала историческаго, этнографическаго, и географическаго характера.

Изданіемъ своего журнала Н. П дѣлалъ громадный вкладъ въ литературу о Дальнемъ Востокѣ.

И нужно замѣтить, что все это Н. П. дѣлалъ по своей собственной инціативѣ, при томъ не получая ни откуда никакой субсидіи. За границей издатели подобныхъ журналовъ получаютъ десятки тысячъ субсидіи отъ разныхъ географическихъ и этнографическихъ обществъ. Николай же Петровичъ не получалъ ничего, да и получать не желалъ. Онъ все дѣлалъ самъ. Никто не помогалъ ему. Самъ онъ подбиралъ матеріалъ, самъ редактировалъ его, корректировалъ, составлялъ № и даже занимался писаніемъ адресовъ для разсылки №№ журнала подписчикамъ.

Дальневосточный читатель оцѣнилъ Н. П.

Несмотря на наринное тогда «смутное время», когда было совершенно не до журналовъ, «Природа и Люди Дальняго Востока» сразу завоевываетъ себѣ большой кругъ читателей и получаетъ огромное распространеніе.

Журналъ крѣпнетъ съ каждымъ №.

Онъ уже начинаетъ оправдывать себя и неутомимый Н. П. приступаетъ тогда къ изданію еще газеты «Далекій Край»

И газета пользуется успѣхомъ.

Вышло ужъ около 30 № журнала, какъ вдругъ Николай Петровичъ отправившись за полученіемъ пришедшихъ на его имя изъ Японіи книгъ, арестовывается. Какъ впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ, какой то японецъ, совершенно не знавшій русскаго языка, везъ ему книги, часть которыхъ была обернута въ грязные обрывки клочковъ нелегальной литературы. Японца арестовали на пароходѣ. Николай Петровичъ вступился за него и его также забрали.

Цѣлый годъ просидѣлъ Николай Петровичъ въ крѣпости.

Какъ человѣкъ общительный, располагающій къ себѣ довѣріемъ, онъ и среди начальства крѣпостной тюрьмы

быстро и невольно снискалъ къ себѣ глубокое уваженіе. Ему безъ просьбы дѣлались различныя льготы и, между прочимъ, разрѣшено было писать. Суровый тюремный режимъ, томительное одиночество не убили живого духа Николая Петровича.

Онъ и изъ тюрьмы писалъ свои остроумные интересные злободневные коротенькіе сатирическіе разсказики, печатавшіеся въ журналѣ: «Брызги», «Владивостокскомъ Бѣсѣ», «Домовомъ» и газетѣ «Далекая Окраина».

Годъ крѣпости.

Нѣтъ, годъ не видать родныхъ, друзей и знакомыхъ.

Николаю Петровичу было уже не мало лѣтъ. Но годъ тюремнаго заключенія онъ перенесъ стоически. Только кое гдѣ на его головѣ засеребрились волосики.

— Это память о тюрьмѣ!—сказалъ онъ какъ то мнѣ.

Журналъ и газета съ заключеніемъ въ тюрьму Николая Петровича прекратили свое существованіе, матеріальныя дѣла были не особенно хороши. Надо замѣтить, что у Н. П. многочисленное семейство, если не ошибаюсь, онъ имѣетъ 8 дѣтей.

Когда я, спустя немного, послѣ его выхода изъ тюрьмы спросилъ, думаетъ ли онъ продолжать изданіе журнала, Н. П. мнѣ отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Теперь я не буду издавать ни журнала, ни газеты. Я даже не хочу, чтобы какое нибудь періодическое изданіе печаталось въ моей типографіи.

Я не сталъ спрашивать о причинахъ.

Тюрьма уже успѣла наложить свой отпечатокъ на Николая Петровича и заставила его отказаться отъ мысли, съ которой онъ сжился въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Такъ погибъ первый иллюстрированный журналъ на нашей далекой окраинѣ. Но если онъ и погибъ, имя его основателя, неутомимаго Н. П. долго будетъ всѣмъ памятно.

Съ выходомъ изъ тюрьмы Николай Петровичъ входитъ въ число постоянныхъ сотрудниковъ газеты «Далекая Окраина». Здѣсь изъ крупныхъ статей имъ помѣщены очень интересные очерки изъ тюремнаго быта, затѣмъ разсказы изъ жизни русскихъ плѣнныхъ въ Японіи, путевые очерки по Японіи, очерки о возникновеніи Владивостока, рядъ очерковъ изъ жизни Стараго Владивостока.

Ко всѣму этому надо добавить рядъ серьезныхъ статей на мѣстныя темы, мелкихъ злободневныхъ замѣтокъ

и, затѣмъ, сотни остроумныхъ злободневныхъ маленькихъ фельетоновъ.

Въ заключеніе настоящаго очерка, я еще долженъ замѣтить, что П. П. выдвигался въ выборщики въ первую Государственную Думу и нѣсколько лѣтъ тому назадъ на должность Владивостокскаго городского головы.

Морякъ.

О ЗАБЫТЫХЪ КУЛЬТУРНЫХЪ ОДИНОЧКАХЪ.

(Юношескія воспоминанія).

I.

На «сибирскомъ собраніи» въ Петербургѣ, состоявшемся 3 марта н. г., при обсужденіи доклада депутата П. Л. Скалозубова «объ организаціи общественныхъ силъ Сибири", однимъ изъ участниковъ собранія г. Маньковымъ замѣчено, что «сводка» докладчика объ послѣдователяхъ Сибири далеко не полна и поэтому было высказано пожеланіе, чтобы сибиряки, съ мѣста, сообщили сибирскому собранію имена забытыхъ лицъ, которыя въ прошломъ будили общественную мысль въ направленіи изученія сибирскаго края.

Можетъ быть, эта неполнота имѣетъ косвенное отношеніе къ основнымъ тезисамъ доклада г. Скалозубова, но для исторіи развитія общественнаго самосознанія Сибири весьма важно не забывать тѣхъ рѣдкихъ дѣятелей, которые при тяжкихъ условіяхъ общаго уклада страны ранѣе уже расчищали пути къ свѣту и знанію и, будируя общественную мысль, призывали ее къ самодѣятельности.

Я не буду говорить о первоклассныхъ представителяхъ сибирской мысли и общественной самодѣятельности, какъ Н. М. Ядринцевъ, Г. Н. Потанинъ и др.; они оставили въ жизни Сибири неизгладимый слѣдъ, но я считаю для себя священной обязанностію вспомянуть добрымъ словомъ имена выдающихся и чрезвычайно многогранныхъ «культурныхъ одиночекъ», которые въ 70—80 гг. пр. ст. имѣли неотразимое и облагораживающее вліяніе на болѣе чуткую часть общества въ захолустномъ сибирскомъ городкѣ Тобольской губерніи—г. Тюмени и его уѣздѣ. Я хочу сказать нѣсколько словъ о гражданахъ Тюмени: Константинѣ Николаевичѣ Высоцкомъ, Терентіи Алексѣев. Тимофеенко, Василіи Ивановичѣ Князевѣ и объ упоминаемомъ въ докладѣ Скалозубова—Николаѣ Артемьяновичѣ Чукмалдинѣ. Теперь всѣ эти прекрас-

ные сибиряки уже умерли и, несмотря на короткій срокъ, имена ихъ уже забыты современными намъ «синоцика-ми» и, развѣ сибирскій историкъ будущаго, можетъ быть, отыщетъ на страницахъ «Вост. Об.» краткіе некрологи этихъ людей, достойныхъ болѣе широкаго общественнаго вниманія.

Между тѣмъ, эти интересные люди и выдающіеся представители «молодой сибири» въ теченіи своей жизни ярко проявили свою гражданственность и умерли съ надеждой, что придетъ время, когда угнетенная родина все-таки стряхнетъ съ себя вѣковое зло застоя и выйдетъ на широкій путь общественно-экономическаго развитія. Всѣ эти лица, и вмѣстѣ и въ отдѣльности, составляли въ Тюмени умственный центръ, изъ котораго далеко за предѣлы города распространялись яркіе и теплые лучи свѣта и знанія и общественной бодрости.

II.

Основателемъ кружка тюменскихъ представителей «Молодой Сибири» былъ К. П. Высоцкій, яркій сторонникъ саморазвитія и самодѣятельности и самый искренній поклонникъ «новыхъ людей»: Герцена, Бакунина, Чернышевскаго и общественныхъ и политическихъ дѣятелей 70 гг. Откуда явился въ Тюмень Высоцкій—я не помню, помню только, что онъ будто бы былъ въ университетѣ, а въ концѣ 60 гг.—учителемъ Тюменскаго уѣзднаго училища, отбывая 5-лѣтнюю службу за образованіе. А такъ какъ по складу своего ума и по воззрѣніямъ онъ представлялъ изъ себя замѣтную оригинальность, то и вынужденъ былъ оставить учительство и заняться частными дѣлами. По пріѣздѣ въ Тюмень, Высоцкій сначала открылъ фотографію первую въ Тюмени, затѣмъ, при посредствѣ своихъ знакомыхъ, завелъ типографію, литографію, переплетную, липовальную и картонажную, а вмѣстѣ съ тѣмъ занялся опытами кустарнаго производства картона, оберточной бумаги и значительную часть своихъ предпріятій сумѣлъ обставить машинами и развилъ свои производства до такой степени, что нѣкоторыя изъ нихъ послалъ для продажи на Ирбитскую ярмарку и въ г. Томскъ. Успѣху предпріятія несомнѣнно способствовало то обстоятельство, что фабричная постановка дѣла была для Сибири явленіемъ исключительнымъ, въ особенности въ такой области, которая для непинтеллигентнаго предпринимателя была бы рискованной. Но Высоцкій не могъ, конечно, не учитывать рас-

щихъ потребностей Сибири и поэтому въ его «фабрикѣ» въ срединѣ 70 гг. насчитывалось уже около 100 чел. служащихъ и рабочихъ.

Это—коммерческая сторона дѣла. Но, повидимому, коммерція для живой альтруистической натуры Высоцкаго была лишь «неизбѣжнымъ закономъ», потому что онъ часто говорилъ изъ Прудона: «собственность есть кража». И это не была новая модная фраза французскаго рабочаго—мыслителя: во всю жизнь свою Высоцкій не былъ стяжателемъ денегъ, накопленіемъ которыхъ онъ никогда не занимался, претворяя ихъ въ движущуюся силу.

Онъ не былъ ни писателемъ, ни художникомъ, ни ученымъ, но вся его натура, весь его складъ ума были проникнуты какой-то особой обаятельностію. У Высоцкаго нерѣдко можно было встрѣтить и аристократію мѣстнаго общества и рядомъ съ аристократомъ и купца и художника и рабочаго. Въ домѣ Высоцкаго люди не дѣлились на касты и сословія. Это знали всѣ, знали и удивлялись: одни удивлялись тому, что Высоцкій въ присутствіи именитыхъ посѣтителей подаетъ руку даже рабочимъ, другіе же удивлялись тому, какъ это Высоцкій до такой степени распустилъ нервы, что не постѣснялся выгнать «вонъ» изъ типографіи директора банка (кажется Владимірова) за то, что тотъ, при входѣ въ типографію жестоко оскорбилъ типографскаго рабочаго. Нужно ли говорить, что такое отношеніе къ людямъ импонировало и поражало жителей захолустнаго города своей оригинальностью. Были, впрочемъ, въ домѣ Высоцкаго и другіе вечера,—нерѣдко сливались въ немъ страстныя рѣчи мѣстныхъ или пріѣзжихъ посѣтителей, много говорилось о политикѣ, обсуждались разные проекты оздоровленія Сибири, читались разныя литературныя новинки, которыя во множествѣ выписывались Высоцкимъ и нерѣдко раздавались новыя пѣсни. Здѣсь часто можно было встрѣтить мѣстныхъ коммерсантовъ Т. А. Тимофеенко и В. П. Князева и приказчика изъ крестьянскихъ мальчиковъ подгородней деревни Кулаковой—Н. М. Чукмалдина, потомъ переѣхавшаго на службу въ Москву и бывшую учительницу—ближайшую сотрудницу Высоцкаго—А. А. Себякину. Всѣ эти молодые люди бредили идеями и стремились къ самообразованію. Къ Высоцкому же они часто заходили побесѣдовать на мучившія ихъ темы, запастись интересной книжкой новымъ журналомъ, газетой и, нерѣдко, литературой «заграничной марки».

III.

Эта-то близкая компанія, во главѣ съ Высоцкимъ, и образовала въ Тюмени тѣсный кружокъ, поставившій своими задачами посильное служеніе Сибири. Первымъ объектомъ явилась «фабрика» Высоцкаго съ ея многочисленными рабочими и работницами, которыя до того въ Тюмени не принимались въ постоянныя предпріятія. Послѣ того, какъ А. А. Себякиной при фабрикѣ была открыта для женщинъ образцовая башмачная мастерская, подъ руководствомъ недавно умершаго въ Тюмени извѣстнаго «Пана Коха», населенность фабрики до такой степени увеличилась, что предприниматели задумались надъ учрежденіемъ своей школы, библіотеки и театра для того, чтобы поднять общій уровень рабочихъ. Организаторомъ этой чрезвычайно интересной дѣятельности явился Высоцкій, активными же помощниками: Себякина, Тимофеенко, б. учитель Павловъ, нѣкоторые изъ интеллигентныхъ служащихъ и рабочихъ и случайныя лица, вродѣ пол. сс. С. Л. Геллера съ женой (тогда еще самоотверженыхъ, юныхъ и неизмятыхъ жизнью) и др. лицъ. Здѣсь все было ново и оригинально. Школа для взрослыхъ рабочихъ не имѣла постояннаго характера. Подростки же для наукъ освобождались отъ работъ нѣсколько разъ въ недѣлю. Программы не было и съ каждымъ изъ учащихся занимался кто-либо изъ любителей просвѣщенія, сообразуясь со степенью подготовки учащагося. Особенно же вниманіе было обращено на внѣшкольное образованіе: большинству рабочихъ и работницъ давались для чтенія (систематическаго) разныя книги какъ беллетристическаго, такъ и научно-популярнаго характера; библіотека была соединенная, а въ типографіи праздничными вечерами устраивались спектакли, концерты и литературные вечера, какъ для рабочихъ, такъ и для интеллигенціи.

Этотъ опытъ организаціи далъ вскорѣ положительные результаты: въ средѣ участниковъ кружка оказались и писатели, и поэты, и декламаторы, и пѣвцы, а среди рабочихъ, талантливые драматическіе артисты и замѣтные въ обществѣ интеллигентные люди. Я до сихъ поръ помню публицистическіе опыты Тимофеенко, остроумные и злободневные стихи Князева, игру выдающагося исполнителя на сценѣ типовъ Островскаго—наборщика Афони, милую и непринужденную игру на сценѣ Себякиной и

пѣніе старшей дочери Высоцкаго М. К. Здѣсь же въ кружкѣ я изрѣдка встрѣчалъ даровитаго художника Калганова, котораго старались отвлечь отъ безнадежнаго пьянства, подававшаго большія надежды самородка-художника Федорова, потомъ кружкомъ отправленнаго въ академію и мн. другихъ лицъ, часто посѣщавшихъ гостепріимный домъ Высоцкаго. Въ дальнѣйшемъ сознательные рабочіе, не теряя связи съ Высоцкимъ, ушли въ общество и распредѣлились между интересными для себя разновидными группами, самообразованіе сдѣлалось т. ск. явленіемъ естественнымъ, а библіотека нашла многочисленныхъ читателей въ уѣздѣ среди разныхъ учителей, волостныхъ писарей и др. деревенскихъ интеллигентовъ, которые нерѣдко сами издалека являлись для обмѣна книгъ.

IV.

Въ дальнѣйшей дѣятельности кружка Высоцкаго видоизмѣнилась. Желая расширить свою аудиторію, Высоцкій рѣшилъ издавать въ Тюмени газету по широкой программѣ. Но осуществить это полностью не удалось. И только благодаря содѣйствію лично знакомаго—бывшаго тобольскаго генералъ-губернатора Деспотъ-Зеновича, Высоцкому удалось получить разрѣшеніе на изданіе «Тюменскаго Справочнаго Листка», который выходилъ подъ редакціей Высоцкаго и Тимофеенко нѣсколько мѣсяцевъ, но такъ какъ платныхъ подписчиковъ у газеты не было, а мѣстная цензура въ видѣ исправника вычеркивала иногда даже объявленія, то газету пришлось закрыть. Я помню одно письмо въ редакцію, въ которомъ группа мѣстныхъ обывателей удивлялась и спрашивала: «зачѣмъ это маленькая газета пишетъ все языкомъ о какой-то химерной культурѣ, о необходимости проведенія желѣзной дороги въ Сибири, о какомъ-то морскомъ пути и. ни слова не пишетъ о пасхальныхъ куличахъ и бабахъ, о весельѣ широкой масленицы и о радостяхъ наличнаго обывательскаго счастія.

Въ виду такой неудачи кружокъ рѣшилъ заняться сборомъ матеріала по сибиреведѣнію и періодическими выпусками печатныхъ докладовъ и книгъ по крупнымъ вопросамъ сибирской жизни. Въ этомъ направленіи, какъ мнѣ помнится, Высоцкимъ и Тимофеенко былъ составленъ, отпечатанъ и всюду разосланъ докладъ о необходимости проведенія сибирской желѣзной дороги и сѣвернаго морского пути. Затѣмъ, былъ приглашенъ изъ Тобольска из-

ѣстный сибирскій художникъ-карикатуристъ М. С. Знаменскій,—который при издательствѣ Высоцкаго и Тимофеенко издалъ въ Тюмени два любопытныхъ карикатурныхъ альбома: «Обрывъ» Гончарова и «Моя поѣздка на кумысъ». Въ послѣднемъ изъ своихъ альбомовъ Знаменскій охарактеризовалъ наши западно-сибирскіе города съ ихъ специфическими особенностями бывшаго начала 70 гг. и отмѣтилъ нѣкоторыя несообразности мѣстной жизни. Не ограничиваясь этими изданіями, кружокъ Высоцкаго, при матеріальномъ содѣйствіи тюменскаго пароходовладѣльца И. И. Игнатьева, снарядилъ небольшую экспедицію для описанія населенныхъ мѣстъ по рр. Западной Сибири, результатомъ которой явилось обширное изслѣдованіе, составленное участникомъ экспедиціи Павловымъ подъ заглавіемъ: «3000 вер. по рѣкамъ Западной Сибири». Этотъ трудъ, теперь составляющій уже библіографическую рѣдкость, принесъ издателю одинъ только убытокъ и, кажется, врядъ ли найдется теперь даже въ археологическомъ отдѣленіи томскаго магазина Макушина, гдѣ изданіе было на комиссіи.

V.

Помимо этого кружокъ Высоцкаго принималъ дѣятельное участіе въ организаціи нѣкоторыхъ экспедицій И. М. Ядринцева, который раньше, я помню, гостилъ у Высоцкаго въ Тюмени проѣздомъ изъ Архангельской ссылки. Гостили здѣсь также нынѣ здравствующій Г. Н. Потанинъ и студентъ—сибирякъ, тогда представляющій для Сибири рѣдкость.—А. В. Адріановъ. Всѣ эти лица, а также и имъ подобныя всегда находили самое искреннее радушіе и если требовалось,—необходимыя указанія. Не оставался чуждымъ кружокъ и къ изученію Сибири. Одинъ изъ членовъ кружка—Т. А. Тимофеенко, принимая, какъ мнѣ помнится, денежное участіе въ изданіи «Тюрьмы и ссылки» Ядринцева, субсидировалъ одну изъ его экспедицій и принималъ въ ней личное участіе. Я даже увѣренъ, что въ бумагахъ покойнаго Тимофеенко сохранился докладъ объ этой поѣздкѣ, о которой при жизни онъ такъ горячо отзывался.

Независимо этого, кружокъ не забывалъ и общекультурной работы. Члены его принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ культурныхъ начинаніяхъ, какъ въ Тюмени, такъ и въ округѣ. Популярность Высоцкаго такъ была велика, что изо всего уѣзда къ нему пріѣзжали люди за совѣтами или поддержкой. Обижаетъ ли сельское

земальство—крестьяне ѣдутъ въ Тюмень къ Высоцкому, который лично съѣздитъ къ представителямъ мѣстной власти и, если нужно, пригрозитъ „Деспотъ-Зеновичемъ", тогда уже членомъ Государственнаго Совѣта. Пріѣзжаетъ ли голодный переселенецъ—Высоцкій найдетъ ему работу. Я помню, къ Высоцкому явилась въ типографію цѣлая голодная громадная переселенческая семья изъ Раненбурга съ просьбою о помощи и работѣ.

—Ну, что ты умѣешь дѣлать?—спрашиваетъ Высоцкій.

— Ничего,—отвѣчаетъ ему проситель,—на родинѣ былъ лакеемъ.

— Ну, а шапки шить умѣешь?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ: старшихъ дѣтей оставь для какой-либо работы въ типографіи, а самъ иди къ моему знакомому шапочнику, онъ научитъ тебя дѣлать простыя шапки и имѣть заработокъ. За деньгами на матеріалъ зайдешь, когда научишься работать.

Особеннымъ же вниманіемъ Высоцкаго пользовались кустари Тюменскаго уѣзда, которымъ онъ при посредствѣ своихъ знакомыхъ-спеціалистовъ давалъ всевозможные совѣты, указанія и даже матеріальную помощь въ видѣ временныхъ ссудъ, кредита и пр. Насколько это было искренне, можно судить потому, что для кустарей ковернаго производства, особенно распространеннаго въ уѣздѣ, Высоцкій выписывалъ разныя руководства всевозможные рисунки и краски и все это разсылалъ для опытовъ болѣе толковымъ своимъ многочисленнымъ знакомымъ коверницамъ въ уѣздѣ. Я думаю, что, благодаря Высоцкому, ковровое производство въ Тюменскомъ уѣздѣ значительно улучшилось и имѣетъ громадный сбытъ въ предѣлахъ Россіи и даже заграницей.

VI.

Можетъ быть, найдутся люди, которые спросятъ: «почему это при такой разносторонней дѣятельности, Высоцкій и его друзья не были приведены къ одному знаменателю»?

Этотъ вопросъ объясняется исключительно обаятельностью личности Высоцкаго. Со времени своей общественной дѣятельности, онъ состоялъ членомъ многихъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ Сибири, участвовалъ во многихъ совѣщаніяхъ, касающихся нуждъ Сибири и, кромѣ того, былъ постояннымъ членомъ учрежденій Императри-

ны Маріи, гдѣ его въ теченіе многихъ лѣтъ встрѣчали чинами и орденами. На этой почвѣ я помню характерный курьезъ: въ одинъ изъ вечеровъ къ Высоцкому собираются, по приглашенію Тимофеенко, его близкіе друзья, являются праздично одѣтые, крѣпко жмутъ хозяину руку и торжественно поздравляютъ.

— По какому поводу?

— Какъ по какому? — Съ надворнымъ совѣтникомъ поздравляемъ.

Оказалось, что въ старомъ № «Губернскихъ Вѣдомостей» Тимофеенко вычиталъ о производствѣ Высоцкаго въ чинъ надв. совѣтника, а онъ думалъ, что все еще числится коллежскимъ регистраторомъ. Главнымъ же козыремъ у Высоцкаго было личное знакомство съ т. об. деп.-губ. Деспотъ-Зеновичемъ, который считалъ его Томскимъ геніемъ и велъ съ нимъ переписку по вопросамъ сибирскимъ и просамъ даже изъ Петербурга, когда былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Но несмотря на общественный вѣсъ, чины и связи съ высшей администраціей, Высоцкій былъ въ политическомъ отношеніи у губернской и мѣстной жандармской власти на весьма плохомъ счету. Ему приписывалось сношеніе съ видными политическими ссыльными въ Сибири, начиная чуть ли не съ Бакунина и Чернышевскаго, ему инкриминировалось сочувствіе народовольцамъ 70 гг., его обвиняли въ помощи бѣглымъ политикамъ и т. н. «сибирской перевозкѣ» и, наконецъ, ставилось въ вину, что онъ въ своей типографіи печатаетъ по ночамъ разныя революціонныя прокламаціи для какой-то столичной организаціи. Кромѣ того, ему ставилось въ вину, что въ его домѣ образовался какой-то странно-пріемный домъ для разныхъ: Потанинныхъ, Ядринцевыхъ, Гелеровъ и многихъ другихъ лицъ, политически скомпрометтированныхъ. Въ виду такого взгляда, у Высоцкаго нѣсколько разъ въ годъ обязательно производились по распоряженію жандармской власти обыски, результаты которыхъ ясно убѣждали, что подозрѣнія неосновательны. Правда, благодаря высокому званію Высоцкаго обыски были въ высокой степени деликатными: начальство пріѣзжало, предъявляло свои мандаты и любезный хозяинъ водилъ своихъ «гостей», показывая имъ рѣдкости своихъ многообразныхъ предпріятій. Я помню особенное оживленіе въ кружкѣ Высоцкаго, когда 1 марта 1881 г. послѣ перваго траурнаго звона Высоцкій и его друзья ждали мѣстныхъ со-

бытій включительно до погрома. Я, какъ сейчасъ помню, свою работу по укупоркѣ своихъ «сокровищъ» въ расколотыя и выдолбленныя полѣнья древняго сарая, такъ какъ всѣ были убѣждены, что безъ обыска не обойдется. Кстати не могу не отмѣтить одной странности, что въ отдаленной Тюмени первомартовское событіе считалось почему-то неизбѣжнымъ. Очень можетъ быть, что это вытекало изъ ассоціаціи событій конца 70 гг., но объ этомъ въ Тюмени говорили очень много и обсуждали на разные лады. Я помню также психологію нѣкоторыхъ членовъ кружка, которые живо интересовались предстоящей присягой новому представителю государства, въ которой обязательно должно было участвовать все мѣстное населеніе. Ждали крупныхъ событій и въ Россіи и въ Сибири. Но событій этихъ не произошло и жизнь страны, а въ частности и жизнь Тюмени вошла въ свое обычное русло. Также обычно потекла и жизнь членовъ описываемаго кружка.

Въ настоящее время изъ основателей тюменскаго кружка культурныхъ дѣятелей почти никого не осталось: Высоцкій, нервный, впечатлительный, подъ тяжестью общественныхъ заботъ, умеръ въ Тюмени въ 1886 г. отъ мозгового переутомленія, немного времени спустя, умерли, сравнительно молодые, Тимофеенко и Князевъ; Чукмалдинъ, же изъ Тюмени переѣхалъ въ Москву, развилъ тамъ посредническое дѣло между Москвою и Сибирью и Москвою и Англіей и къ концу жизни нажилъ большой капиталъ, который и употребилъ съ большою общественною пользою. Часть денегъ онъ употребилъ на развитіе образовательныхъ учрежденій Сибири и стипендіи учащимся сибирякамъ, для своихъ одноземцевъ—въ деревнѣ Кулаковой, въ 12 верстахъ отъ Тюмени, построилъ образцовую каменную школу съ прекрасной обстановкой и неприкосновеннымъ капиталомъ на ея содержаніе, тамъ же построилъ и открылъ крестьянскій банкъ съ хорошимъ капиталомъ, а передъ смертью—въ 90 годахъ купилъ у б. директора тюменскаго реальнаго училища П. Я. Словцова очень цѣнный музей и пожертвовалъ его г. Тюмени, гдѣ онъ началъ свою карьеру. Къ сожалѣнію этотъ цѣнный даръ не былъ принятъ городомъ и до сихъ поръ безполезно лежитъ гдѣ-то въ кладовыхъ Тюменскаго реальнаго училища. Такимъ образомъ и этотъ «послѣдній изъ могиканъ» сошелъ со сцены жизни и оставилъ по себѣ блестящую память въ-

соко-культурнаго гражданина, который при жизни умѣлъ ходить за сохой, работать за прилавкомъ, трудиться въ текущей прессѣ въ качествѣ незауряднаго сибирскаго публициста и быть представителемъ отъ передовой сибирской коммерціи на сложномъ англійскомъ рынкѣ, тамъ, гдѣ конкуррируютъ представители всѣхъ странъ стараго и новаго свѣта.

Въ настоящее время въ живыхъ осталась только А. А. Собякина, теперь заслуженно скромно отдыхающая на лонѣ природы въ одномъ изъ тихихъ уголковъ Самарской губерніи.

Я кончилъ свои краткія впечатлѣнія о первомъ кружкѣ тюменскихъ общественныхъ работниковъ, объединенныхъ одной общей идеей безкорыстнаго служенія своей родинѣ. Думаю я, что, въ интересахъ исторіи развитія самосознанія сибиряка, было бы чрезвычайно важно, чтобы и изъ другихъ сибирскихъ центровъ были даны безпристрастныя свѣдѣнія о рѣдкихъ, но забытыхъ культурныхъ одиночкахъ, которые достойны «синеликаго», о которомъ упоминалъ на сибирскомъ собраніи депутатъ Маньковъ. Кстати, это будетъ послѣдній долгъ, который мы, живые сограждане, обязаны отдать мертвецамъ во имя того живого дѣла, которое они завѣщали намъ столько продолжать въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ.

Г. Б. Баитовъ.

Г. Томскъ.
20 іюня 1912 г.

ПРІИСКОВЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Въ царствованіе на пріискахъ Ко Промышленности Ник. Ник. Стрижева,—говорю «царствованіе» потому, что главноуправляющему въ то время, а Стрижеву въ особенности, подчинялось все живущее на пріискахъ отъ начальства военнаго и гражданскаго до чернорабочаго, какъ равно имъ издавались и отмѣнялись законы,—такъ вотъ во время этого царствованія былъ управляющимъ отдѣльнымъ пріискомъ, названіе котораго я теперь не помню, нѣкій С., котораго не столько знали по фамиліи сколько по кличкѣ, кѣмъ то ему данной, «тараканъ». Я понимаю, когда человѣку присваивается такая кличка, которая, указывая на его характеръ или фигуру, до нѣкоторой степени оправдываетъ свое названіе, какъ напр. бегемотъ, тюлень,

мартышка и пр., но чтобы сравнить человѣка съ тараканомъ, этого я никакъ себѣ не могъ представить, а между тѣмъ, вглядываясь въ лицо С., я находилъ, что именно эта кличка какъ нельзя болѣе шла къ нему. Въ чемъ тутъ секретъ —я не знаю, но глядя на С., невольно вспоминаешь таракана. Будемъ же и мы звать его Тараканомъ.

Когда я пріѣхалъ на службу на пріиски, меня назначили на тотъ пріискъ, которымъ управлялъ Тараканъ. Мнѣ, конечно, надлежало представиться своему новому начальству; что я и не замедлилъ исполнить.

Тараканъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ довольно сухо.

— Вы изъ какихъ же будете?—спросилъ онъ меня.

— Дворянинъ.

— Та...а...къ,—протянулъ онъ,—а гдѣ раньше служили?

— Нигдѣ, я былъ студентомъ, но обстоятельства такъ сложились, что, не кончивъ образованія...

— Та...а...къ.. у насъ вѣдь служба трудная, потруднѣе будетъ университетскихъ.

— Что же дѣлать, буду работать.

— Та...а...къ.. да и занятіе у насъ не дворянское, пенснэ эти (онъ указалъ на мое пенснэ) у насъ тутъ не въ модѣ.

Я замѣтилъ, что не совсѣмъ понимаю отношеніе моего пенснэ къ моей службѣ, но Тараканъ продолжалъ:

— Мы вѣдь не ученые, въ тайгѣ родились, въ университетахъ не бывали.. гдѣ ужь намъ... та..а...къ, та...а...къ.

Я раскланялся и ушелъ, раздумывая, что служба дѣйствительно будетъ не легкая.

Вслѣдствіе повелѣній свыше, Тараканъ назначилъ меня депутатомъ при золотопромывальной машинѣ. Служба моя заключалась въ томъ, что я долженъ былъ присутствовать при всѣхъ съемкахъ золота, сопровождать вмѣстѣ со смотрителемъ машины, становымъ пріиска и казакомъ это золото въ контору, участвовать тамъ при очисткѣ его отъ постороннихъ примѣсей, присутствовать при взвѣшиваніи и укладкѣ въ желѣзныя помѣщенія и удостовѣрять своею подписью правильность записей. Собственно говоря, служба моя не была трудной, хотя и начиналась съ 3-хъ часовъ утра, а оканчивалась съ перерывомъ для обѣда и отдыха въ 7 час. вечера, но служба подъ начальствомъ

Таракана была не въ моготу трудная: мало-мальски ин теллигентныхъ людей Таракань не выносилъ, вслѣдствіе чего онъ даже не бывалъ ни у священника, ни у ревизора, ни у доктора, а съ подвластными ему служащими обращался всегда грубо и часто язвительно.

Помѣщеніе, отведенное мнѣ, было просто таки внѣ всякой критики. Съ первыхъ же дней моей службы я просилъ Таракана дать мнѣ какое-нибудь другое помѣщеніе, въ которомъ бы въ окна не дуло, съ крыши не протекало, но, несмотря на то, что въ распоряженіи пріиска были свободныя квартиры, въ моей просьбѣ было отказано. Каждый день, когда я со смотрителемъ и становымъ сидѣлъ на «важгертѣ» и слѣдилъ за промывкой золота, наблюдая, чтобы часть его куда-нибудь не исчезла, къ намъ являлся Таракань, и садясь съ нами, начиналъ какой-нибудь разговоръ.

— Вы, говорятъ, на скрипочкѣ играете,—говоритъ онъ.. обращаясь ко мнѣ.

— Не приходится играть

— Экая жалость, экая жалость,—говоритъ онъ такимъ тономъ, что возбуждаетъ смѣхъ у присутствующихъ,—да, продолжаетъ онъ про себя,—образованіе—великое дѣло, вотъ тутъ у насъ тоже одинъ служилъ... такъ чамъ его и не понять....

Послѣ дружнаго взрыва хохота спрашиваетъ, и узнавъ, что слова эти относились къ нѣкоему Алешкѣ, который получилъ образованіе во 2-хъ классѣ городск. училища, изъ котораго былъ выгнанъ за громкое поведеніе и тихіе успѣхи въ наукахъ.

— Что же въ газетахъ пишутъ новаго,—какъ то спросилъ онъ меня.

— А вотъ между прочимъ прочелъ пожеланіе, чтобы во главѣ обширныхъ предпріятій, въ родѣ нашихъ пріисковыхъ стояли люди интеллигентные,—вымолвилъ я съ негодованіемъ.

— Да, да,—процѣдилъ онъ,—а вотъ не напишутъ, чтобы разныхъ студентовъ и прочую дрянь не пускать къ намъ на службу.

Отношенія наши становились до такой степени невозможными, что я вскорѣ перемѣнилъ мѣсто и родъ службы, но недолго, впрочемъ, оставался управляющимъ и Тараканъ.

На каждомъ пріискѣ былъ свой кабакъ, изъ котораго служащій, завѣдующій кабакомъ, обязанъ былъ отпускать по ордерамъ конторщика и разныхъ смотрителей шахтъ, машинъ, разрѣзовъ, водку служащимъ и рабочимъ. Завѣдываніе этимъ дѣломъ составляло всегда мечту очень многихъ: человѣкъ съ некрѣпкими нравственными устоями, продавая на сторону разнымъ якутамъ и мелкимъ торгашамъ спиртъ по 60 и 100 руб. за ведро, наживалъ на такой службѣ большія деньги, причемъ, продавая непринадлежащую ему водку, какъ свою собственную, предусмотрительный цѣловальникъ, т. е. завѣдующій кабакомъ, такъ умѣло разбавлялъ ее водой, что о растратѣ водки не могло быть и рѣчи, напротивъ, въ случаѣ какой-нибудь провѣрки, обнаруживался излишекъ спирта. Конечно, такой излишекъ откуда то свалившагося спирта долженъ бы, казалось, навести на нѣкоторое сомнѣніе въ добросовѣстности веденія дѣла, но какъ то обыкновенно случалось, что сомнѣнія такого не выражалось.

Однако противъ цѣловальника, служившаго на пріискѣ подъ управленіемъ Таракана, пошелъ самъ Стрижевъ. Какъ не защищалъ цѣловальника Тараканъ, увѣряя его въ честности цѣловальника и ручаясь за него своей жизнью, Стрижевъ стоялъ на своемъ. Не знаю, что собственно руководило Стрижевымъ объявить походъ противъ цѣловальника, когда и на другихъ пріискахъ были такіе же цѣловальники. Можетъ быть, частыя жалобы на безъ мѣры алчнаго цѣловальника, а, можетъ быть, желаніе сдѣлать непріятность Таракану, къ которому онъ не питалъ хорошихъ отношеній, а, можетъ быть, и заподозрилъ его въ продажѣ спирта, но Стрижевъ, записавъ № 100 рублеваго билета, послалъ человѣка купить ведро спирту и, когда послѣдній былъ проданъ, нагрянулъ къ цѣловальнику съ обыскомъ и, конечно, нашелъ тотъ билетъ, который былъ посланъ. Тотчасъ же объ этомъ было дано знать Таракану. Сконфуженный Тараканъ черезъ нѣсколько дней, не говоря никому ни слова, велѣлъ подать себѣ тройку лошадей и выѣхалъ съ пріиска въ Иркутскъ.

Когда Тараканъ уѣхалъ, Стрижевъ, находя, что безъ присмотра брошенный домъ оставить нельзя, рѣшилъ для охраны этого барскаго дома, съ его каминами, цвѣтами,

розлемъ, коврами и прочими удобствами помѣстить въ немъ какого нибудь благонадежнаго служащаго. Смотрителемъ этого дома оказался я. Вскорѣ Стрижевъ рѣшилъ образовать коммиссію изъ нѣсколькихъ служащихъ, которой и поручилъ составить опись всего оставленнаго имущества. Я попалъ въ эту коммиссію. Я теперь не помню тѣхъ лицъ и числа ихъ, но только знаю, что въ составъ коммиссіи вошли лица, занимавшія довольно видное положеніе.

Коммиссія сразу и приступила къ дѣлу.

— Съ чего же, господа, начнемъ мы,—предложилъ я, пользуясь правомъ якобы хозяина.

— Да не съ цвѣтовъ же,—отвѣтилъ одинъ изъ членовъ.

— Намъ вѣдь прежде всего надо обезопасить отъ расхищенія подвалъ съ винами и закусками,—перебилъ другой.

— Конечно, конечно, [illegible]

Было 8 ч. утра, когда мы спустились въ подвалъ. Первое впечатлѣніе, полученное отъ подвала, было такое: безчисленное множество всевозможныхъ закусокъ, печеній, маринадовъ, конфектъ; полки съ винами; ящики со свѣчами, бочки съ сахаромъ и проч. и проч.

— Ну что же, ребята, давай что ли попробуемъ мадеры,—предложилъ одинъ,—вишь вѣдь сколько у него тутъ накопилось. Ну, и Тараканъ, точно собака, лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ и никому не дастъ.

Тотчасъ же появилось нѣсколько стакановъ.

—Ты чего же не пьешь?—обратился ко мнѣ матеріальный Б.

— Да какъ то неловко,—замѣтилъ я, чувствуя нѣкоторое смущеніе.

— Неловко стаканами, пей рюмкой, дѣвица красная.

— Да не въ посудѣ дѣло.

— А онъ вотъ что,—заговорилъ другой, указывая на меня,—онъ это думаетъ, должно быть съ непривычки, что пойло то чужое.

— Э, братъ, ежели насчетъ честности, то у насъ тутъ насчетъ ея очень строго; у тебя никто тутъ на земь крѣпкѣ не украдетъ ни гроша, а ужъ что касается водки, то ужъ, братъ, передносъ, за порокъ это у насъ не считается.

— Пей, что ли, коли товарищемъ хочешь быть, а впрочемъ не принуждаемъ..

Стаканъ за стаканомъ, вино лилось и проливалось, ругали Таракана, и снова пили, а къ вечеру безъ памяти я лежалъ раздѣтымъ у себя на постели.

— Да какъ и когда я раздѣлся,—спрашивалъ я своего лакея, съ трудомъ поднимая съ подушки голову.

— Нэ ты раздэлся, а мы тэбэ раздэли,—отвѣтилъ грузинъ, двэрь запирали, пиково нэ пускали.

А на другое утро пришла та же компанія.

— Ну, господа, мы что-то вчера мало переписали, этакъ, пожлауй, работы хватитъ надолго,—замѣтилъ одинъ изъ членовъ комиссіи

— Почему надолго, одну то вѣдь полку съ портвейномъ и мадерой покончили,—возразилъ другой членъ.

— Пойдемъ продолжать,—предложилъ третій.

Къ вечеру я опять оказался раздѣтымъ на постели. Дней пять шла скандальная переписка подвала и только тогда началась настоящая провѣрка, когда все вино въ подвалѣ было выпито.

П. Собекаревъ.

ИРКУТСКОЕ ІЕРУСАЛИМСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

Черезъ три года послѣ основанія города Иркутска въ 1669 г. на правомъ берегу р. Ангары была уже построена Спасская церковь. Съ увеличеніемъ населенія городъ сталъ быстро разростаться и постепенно одна за другой воздвигались церкви: въ 1692 г. Знаменскій дѣвичій монастырь, въ 1693 г. Богоявленскій соборъ, въ 1703 г. Чудотворская церковь, въ 1706 г. Тихвинская, въ 1718 г. Крестовоздвиженская. Троицкая и Владимирская, въ 1738 г. Харлампіевская, въ 1758 г. Благовѣщенская. Такимъ образомъ, чрезъ сто лѣтъ со дня основанія городъ имѣлъ уже 10 церквей, т. е. на десять лѣтъ приходилась постройка одной церкви.

Въ первыя десятилѣтія существованія города для умирающихъ жителей не существовало особеннаго кладбища, покойниковъ хоронили вблизи церквей. Это отчасти доказывается находками костей при производствѣ земляныхъ работъ при церквахъ. Напримѣръ, въ восьмидесятыхъ годахъ, когда копали фундаментъ для пристроя крыльца Владимирской церкви, было найдено много человѣческихъ костяковъ въ гробахъ и колодахъ

Въ 1902 году, когда дѣлали прокладку водосточной трубы изъ бани Иванова до берега р. Ангары, то у Спасской церкви (близъ ограды) на полуаршинной глубинѣ отъ поверхности были найдены человѣческіе скелеты въ изгнившихъ гробахъ въ формѣ колодъ. Въ одномъ такомъ гробу были найдены вмѣстѣ съ костями ручные кандалы, въ другомъ металлическія подошвы (въ видѣ помпейскихъ сандалій), найдены были еще два крестика, часть новойника съ позументомъ, куски кожи, должно быть, отъ сгнившей обуви и куски толстаго сукна. Одинъ изъ череповъ, найденныхъ тутъ, говорятъ, имѣлъ насквозныя дырочки въ височныхъ костяхъ, очевидно, отъ прострѣла пулей Когда Спасская церковь находилась внутри крѣпости, имѣвшей въ окружности 288 саженъ и окопанной рвомъ, въ крѣпости находился застѣнокъ для производства пытокъ, тутъ же была и тюрьма для колодниковъ. На площади между Богоявленскимъ соборомъ и Спасской церковью, если дѣлать научныя раскопки, можно найти много интереснаго, иллюстрирующаго первые годы существованія города.

27 сентября 1909 г, когда мостили Тихвинскую улицу и скапывали землю у ограды Тихвинской церкви со стороны площади, то на аршинной глубинѣ были найдены человѣческіе скелеты.—часть въ развалившихся гробахъ, а одинъ скелетъ вполнѣ находился въ колодѣ, выдолбленной изъ цѣлаго дерева. Черепа были хорошо сохранившимися и ихъ увезли проходіе, а кости и черепа худой сохранности были зарыты въ яму вырытую для этого тамъ въ оградѣ церкви. Кромѣ костей, здѣсь ничего найдено не было. Лѣтомъ 1912 года, когда въ оградѣ Тихвинской церкви рыли могилу для Громовой, говорятъ, нашли скелетъ, ручныя кости котораго были скованы...

Земля между берегомъ Ангары, Богоявленскимъ соборомъ по Тихвинской улицѣ до церкви и по Амурской къ берегу хранитъ въ себѣ много тайнъ, такъ какъ здѣсь нѣкогда находился древній городъ.

Въ половинѣ XVIII вѣка, когда городъ застроился до настоящей Нагорной улицы, кладбищемъ была избрана гора, покрытая березовымъ лѣсомъ, гдѣ теперь идутъ Главно-Іерусалимская и Кладбищенская улицы. Позднѣе-же, когда гора тоже начала застраиваться, кладбищу былъ отведенъ особый участокъ земли, для

котораго, можно предположить, былъ поднятъ уровень земли, что въ достаточной степени замѣтно и теперь. Съ годами кладбище, конечно, увеличивалось, уходя въ глубь березовой рощи, и въ началѣ 1800 года заняло ту площадь земли, которую имѣетъ въ настоящее время.

Въ 1795 году на кладбищѣ была построена небольшая каменная церковь во имя Іерусалимской Божіей Матери и съ тѣхъ поръ оно стало носить имя Іерусалимскаго. Церковь эта зачѣмъ-то была разобрана въ семидесятыхъ годахъ, хотя, говорятъ, она была не особенно ветха и при незначительной поддержкѣ могла бы служить хорошимъ памятникомъ старины, которыхъ у Иркутска очень немного. Въ 1884 году по улицамъ, окружающимъ кладбище, близъ ограды Крестовской церкви, по Главно-Іерусалимской улицѣ и 2-й Солдатской, было порядочно надгробныхъ памятниковъ-плитъ, которые постепенно стирались, ломались и теперь отъ нихъ не осталось слѣда.

Іерусалимское кладбище заключаетъ въ себѣ кладбище православное, польское, на которомъ похоронено много поляковъ повстанцевъ 1863 года, нѣмецкое, два еврейскихъ—старое и новое. На православномъ кладбищѣ старинные памятники находятся вблизи бывшей тутъ церкви (теперь на ея мѣстѣ построена часовня) и далѣе по направленію къ Кладбищенской улицѣ. Тутъ можно увидать старые памятники начала XIX столѣтія, нѣкоторые изъ нихъ очень внушительныхъ размѣровъ, но, къ сожалѣнію, большая часть ихъ поломаны, или опрокинуты на землю. Есть порядочно надгробныхъ камней плитъ, прочесть надписи нѣкоторыхъ сразу трудно, надо предварительно эти надписи вычистить, промыть и тогда уже читать. Многія старинныя плиты находятся совершенно въ землѣ и только кое-гдѣ изъ подъ насыпанной на нихъ земли, поросшей травой, показываются края ихъ. Многіе плиты находятся на тропинкахъ и надписи ихъ стерты проходами. Много же старыхъ плитъ, надо думать, и совсѣмъ находятся подъ землею—на четверть и болѣе и ихъ надо откапывать наугадъ, а еще больше плитъ, навѣрное, свалено въ могилы, такъ какъ тутъ погребеніе идетъ на второй—третій разъ и уваженія къ старымъ памятникамъ незамѣтно. Напримѣръ, на фамильномъ кладбищѣ купцовъ Дехтевыхъ, въ память которыхъ наименована улица Дегтевская, въ настоящее

время находятся три старинныхъ плиты 1777—1779 годовъ, а остальныя XIX столѣтія. Въ лѣвой сторонѣ этой старинной усыпальницы воздвигнутъ мраморный памятникъ новѣйшей конструкціи и невольно встаетъ вопросъ: не на мѣстѣ-ли остальныхъ старинныхъ плитъ Дехтевыхъ онъ поставленъ, а что онъ находится въ усыпальницѣ Дехтевыхъ—это ясно видно по каменному обложенію плитнякомъ сбоку.

На Іерусалимскомъ кладбищѣ покоятся фамиліи купцовъ гражданъ Иркутска 18—19 столѣт., какъ то: Забѣлинскихъ, Зубовыхъ, Шигаевыхъ, Векшиныхъ, Тюрюминыхъ, Свѣшниковыхъ, Чупаловыхъ, Ланиныхъ, Сизовыхъ, Саватѣевыхъ, Нефедьевыхъ, Балакшиныхъ, Оболкиныхъ, Харинскихъ, Аксеновыхъ, Верхотиныхъ, Гуриныхъ, Акуловыхъ, Герасимовыхъ, Нестеревыхъ, Болдановыхъ, Логиновыхъ, Сумкиныхъ, Несытовыхъ, Самариныхъ, Бѣлоголовыхъ, Малковыхъ, Курносовыхъ, Басниныхъ, Сказываевыхъ, Емельяновыхъ, Масловыхъ и т. д.

Давно слѣдовало бы сдѣлать списки съ памятниковъ городского кладбища, чтобы знать, кто на немъ похороненъ; до сихъ поръ этого не сдѣлано.

Вотъ первый опытъ подобнаго труда (съ сохраненіемъ ороографіи подлинника).

1777 года марта 6 дня преставился рабъ Божій Иркутскій цеховой Иванъ Ларевъ, поживе 43 года.

1779 г. декабря 7 дня пополудни въ 4 часа скончался рабъ Божій Иркутскій купецъ Иванъ Дехтевъ, поживъ 65 лѣтъ, тезоименитство его ноября 23 дня.

1809 года сентября 25 преставился въ Бозе Штабъ-лекарь Коллежскій Ассесоръ Андріанъ Ивановъ Любарскій, поживъ 35 лѣтъ, тезоименитство 26 августа.

Анна Алексѣевна жена Иркутскаго 1 гильдіи купца Александра Иванова Лычагова, представилась 1808 г. декабря на 24 число пополуночи въ 3 часа отъ роду имѣла 30 л. и 20 дней.

Подъ симъ памятникомъ погребено тѣло Калужскаго 1 гильдіи купца Іосифа Тимофеева Портнова, родившагося 1752 г. марта 28 дня, а представившагося 1816 г. марта 22 дня, въ 2 часа пополудни. День тезоименитства его 4 апрѣля.

Въ память доброй матери Анны Ѳедоровны Порт[illegible]вой (Года стерлись).

Здѣсь покоится тѣло Анастасіи Александровны жены Иркутскаго купца Константина Лычагова. Скончалась 1815 года марта 1 дня.

Подъ симъ камнемъ покоится тѣло раба Божія Иркутскаго 1 гильдіи купца Федора Иванова Лычагова, представившагося 1820 года генваря 21 дня, отъ рожденія своего поживъ 49 л 8 м. 11 дней. Родился 1770 года мая 10 дня, тезоименитство мая 16.

Здѣсь покоится мирный прахъ Надворнаго Совѣтника Александра Михайловича Корсакова, родившагося апрѣля 1777 года, а скончавшагося 11 августа 1824 г.

Погребено тѣло рабы Божіей вѣнца Анны Михайловны дочери Казаковой преставившейся 1801 года 19 числа ноября поживъ 30 лѣтъ и 14 дней.

Здѣсь покоится прахъ Иркутской купеческой жены Іуліаніи Федоровны Лудоровской скончавшейся 7 октября на 53 году жизни 1814 года.

Сей памятникъ покрываетъ тѣло въ Бозѣ скончавшагося Велико-Устюжскаго купца Якова Петрова Гусеева скончавшагося 1809 года марта 30 дня.

На фамильномъ кладбищѣ рода Трапезниковыхъ находятся памятники со слѣдующими надписями:

1) Филиппъ Петровичъ Трапезниковъ, почетный гражданинъ, Иркутскій 1 гильдіи купецъ, родился 1772 года 7 ноября бракосочетался 1794 года 21 января на дѣвицѣ Аннѣ Федоровнѣ, умеръ 72 л. 5 мѣсяцевъ и 2 дней. Скончался 1845 г. апрѣля 5.

1845 г. 31 августа скончалась въ Кяхтѣ внучка его Марія Константиновна Трапезникова родившаяся 30 января 1832 г. въ Иркутскѣ. Внукъ Иннокентій, сынъ Афанасія Филипповича Трапезникова отъ жены Параскевы Гавриловой изъ рода Векшиныхъ. род. 1816 г. 13 іюля а умеръ 29 того же мѣсяца и года.

2) Афанасій Филипповичъ Трапезниковъ, почетный гражданинъ Иркутскій 1 гильдіи купецъ скончался 1850 года ноября 20. Родившійся (разобрать нельзя).

3) Николай Петровичъ Трапезниковъ родившійся 1773 года умеръ 1849 года. Иванъ Федоровичъ Бетингеръ капитанъ корпуса инженеровъ путей сообщенія умеръ 1849 г. род. 1816 года.

4) Анна Федорова Трапезникова Почетная гражданка Иркутская 1 гил. купчиха скончалась 7 января

1858 г. въ 5 ч. дня 78 лѣтъ, была въ супружествѣ 50 лѣтъ.

5) Марія Петровна Бетгихеръ, урожденная Трапезниковыхъ, капитанша родилась 1821 года умерла 1851 года.

6) Почетный гражданинъ Петръ Николаевичъ Трапезниковъ родился въ 1793 году скончался въ 1857 году.

7) Аграфена Ивановна Трапезникова умерла 1861 года 65 лѣтъ.

8) Коммерціи Совѣтникъ Почетный гражданинъ Иркутскій 1 г. купецъ Никаноръ Петровичъ Трапезниковъ родившійся 20 іюля 1786 г. скончавшійся 11 февраля 1847 года.

9) Евгенія Семеновна Трапезникова урожденная Филипповыхъ супруга Почетнаго Гражданина Иркутскаго 1 гил. купеческаго сына Афанасія Филипповича Трапезникова. Родилась въ Иркутскѣ 1813 года 3 декабря въ супружествѣ была 3 года 8 мѣс. скончалась 24 лѣтъ 2 мѣсяцевъ. Умерла 1838 года 9 февраля оставивъ дочь Марію 12 дней.

Сыновья Евгеніи Семеновны Филипповъ род. 1835 г. 6 ноября скончался 10 ноября 1836 года. Сергѣй родился 1836 г. 24 сентября скончался 28 августа 1837 года.

10) Александра Ивановна Трапезникова урожденная Куклинская супруга Почетнаго Гражданина Иркутскаго 1 гил. купеческаго сына Афанасія Филипповича Трапезникова родилась въ Тобольскѣ 1809 г. была въ супружествѣ 9 лѣтъ оставила трехъ дѣтей: дочь Александру 5, Елисавету 2 лѣтъ и сына Митрофана 5 недѣль.

Скончалась на 24 году 1833 года 17 апрѣля въ 2 часа дня. Митрофанъ род. 1833 г. 13 марта скончался 1834 г. 19 апрѣля.

11) Анна Филипповна дочь Почетнаго гражданина Иркутскаго 1 гил. купца Филиппа Петровича Трапезникова, родилась въ Кяхтѣ 8 іюля 1805 г. скончалась 27 лѣтъ 8 мѣсяцевъ 29 дней. 9 апрѣля 1833 года въ 2 часа дня.

12) Анисія Филипповна дочь Почетнаго Гражданина Иркутскаго 1 г. купца Филиппа Петровича Трапезникова родилась 1795 г 26 декабря, скончалась 3 іюля 1842 года 46 лѣтъ 6 мѣсяцевъ 8 дней.

13) Потомственный почетный гражданинъ Иркутскій 1 гильдіи купецъ Константинъ Петровичъ Трапезниковъ скончался 15 января 1860 года на 70 году отъ рожденія.

14) Анна Максимовна супруга Иркутскаго гражданина Димитрія Трофимова Трапезникова. представившаяся 1798 года 8 марта 79 л. 4 м. 5 д.

15) Іоаннъ Дмитріевичъ Трапезниковъ Иркутскій гражданинъ скончался 1798 года 21 января 17 лѣтъ 4 м 19 дней.

16) Супруга Иркутскаго 1 гильдіи купца Петра Дмитріевича Трапезникова Анастасія Ивановна 14 лѣтъ 7 м. 21 дней Скончалась 1792 года 23 іюня. Родилась 1752 г. 28 октября.

Она скользкій свѣта путь вѣрой освѣщала
Подъ знаменіемъ креста жизнь вела и кончила
Сей камень отъ супруга даръ праху посвященный
Даръ имени ея, его памяти фиміамъ

За нѣжны добры правы душѣ ея безсмертной
Отъ пламеннаго сердца молитва къ небесамъ
Чтобъ судія Христосъ ей благости явилъ
И въ царствіи небесномъ на вѣкъ награ дилъ.

Десница крѣпкая твоя о Боже мой
Меня въ любви твоей въ сей жизни укрѣпила
Она меня ввела въ блаженный твой покой
Содѣлай чтобъ она-жъ и чадъ моихъ водила.

Законъ Твой Господи! въ сей жизни скоротечной
Былъ свѣтъ моимъ стезямъ и къ славѣ безконечной
Когда начальникъ тьмы преграды полагалъ
Сей свѣтъ ногамъ моимъ путь правый освѣщалъ.

Должно-же тлѣнное сіе петлѣніемъ одѣться
И тѣло смертное въ безсмертіе облечся
Чтобъ встать на гласъ трубы въ духовныхъ на гѣлахъ
То грубая кора должна истлѣть въ гробахъ.

Блаженъ твой путь душа!
Путь къ горнему сіону
Гдѣ нынѣ предстоишь
Всевышнему ты трону.
Мы вдаемся въ волнахъ, томимся суетой
Но ты въ пристанищѣ вкушаешь твой покой.

17) Иркутскій 1 гил. купецъ Петръ Дмитріевичъ Трапезниковъ 67 лѣтъ 11 м. 8 дней. Скончался 1815 года 6 ноября въ 7 часовъ дня.

На бренномъ камнѣ въ залогъ грядущихъ лѣтъ
Любовь сыновняя черты сіи изображаетъ
Отъ времени стихій изгладится ихъ слѣдъ
Но память добрыхъ дѣлъ никто не истребляетъ.

Единый лучше день на небесахъ витать
Чѣмъ тысячи намъ дней въ семъ мірѣ провождать
Не внемлетъ міръ сему, пусть мертвыхъ вопрошаетъ
Изъ гроба намъ сей мужъ тужъ истину вѣщаетъ

Среди семьи неразлученной
Оградой и примѣромъ былъ
Онъ памятникъ воздвигъ нетлѣнный
Въ сердцахъ и въ вѣчность воспарилъ.

Не сѣтуйте сыны, не плачьте чада чадъ.
Жизнь подвигъ, а исходъ пріятнѣе наградъ
Но естли ублажить еще меня хотите
То чтите мой примѣръ, въ путяхъ моихъ ходите

Священъ да будетъ мирный прахъ
Отца примѣрнаго дѣлами
Согласіе и Божій страхъ
Онъ завѣщалъ между сынами.

18) Марія Михайловна изъ рода Тіунцова супруга Почетн. Гражд. Николая Петровича Трапезникова скончалась 1840 г. 7 сентября.

19) Дочь Иркутскаго 1 г. купца Андрея Петровича Трапезникова дѣвица Татіяна 15 л. 3 м. скончалась 1821 года 6 апрѣля въ 11 ч. дня

20) Михаилъ Гавриловичъ Краснокутскій Коллежскій Совѣтникъ, скончался 1 мая 1860 года на 58 году отъ рожденія. Служилъ въ Иркутской Казенной Палатѣ губернскимъ казначеемъ и въ губернскомъ Правленіи въ экспедиціи о ссыльныхъ. Былъ женатъ на дочери Филиппа Петровича Трапезникова Еленѣ Филипповнѣ имѣющей 3 сыновей и 3 дочерей. Оставшіеся въ живыхъ Елена и сынъ Николай 3-хъ мѣс. Иннокентій похороненъ въ городѣ Тарѣ.

21) Иванъ Семеновичъ Гаевскій былъ женатъ на дочери Афанасія Филипповича Трапезникова Маріи Афанасьевнѣ скончался 23 августа 1869 года 57 лѣтъ Сергѣй Гаевскій младенецъ скончавшійся 1872 г. [illegible] мѣсяцевъ. Николай Гаевскій младенецъ скончавшійся 1870 г. 7 мѣсяцевъ.

22) Екатерина Николаевна изъ рода Трапезниковыхъ супруга Якутскаго купца Степана Герасимова

Никулина умерла 1829 года 17 сентября 32 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ.

23) Младенецъ дѣвица Анна дочь Почетн. Гражд. Иркутскаго 1 г. купца Николая Петрова Трапезникова. Умерла 1805 г. февраля 24 дня 4 лѣтъ 7 мѣс.

24) Дѣвица Евдокія Константиновна Трапезникова дочь Иркутскаго 1 г. купца. Умерла 1828 года января 15 дня на 15 году.

Екатерина Лаврентьевна супруга Иркутскаго 1 г. купеческаго брата Константина Петрова Трапезникова умерла 39 лѣтъ 1830 года февраля 22 числа.

Петръ Константиновичъ Трапезниковъ родился 1845 года января 4 умеръ 6 мѣсяцевъ 14 дней іюля 18 дня 1846 года.

Марія Константиновна Трапезникова Почетнаго Гражданина Иркутская купеческая дочь. Родилась 1856 года января 19 умерла 1859 года апрѣля 22. Поживъ 3 г. 3 м. 3 дня.

Иркутскій купецъ Андрей Ивановичъ Мичуринъ скончался 8 апрѣля 1835 года и жена его Агриппина Петровна скончалась 4 января 1896 года.

Андріанъ Ксенофонтовичъ Сибиряковъ родился 1805 г. 21 августа скончался 1833 г. 5 іюня.

Александръ Ксенофонтовичъ Сибиряковъ скончался 11 ноября 1867 г.

Парасковія Петровна Сибирякова скончалась 9 декабря 1865 года.

x.

Вотъ образчики надгробной поэзіи и прозы:

Коллежскій Секретарь изъ дворянъ Александръ Кузьминскій 21—55 СПБ. Утѣштесь печальные и плачущіе родители. Я оставилъ суету мирскую и переселился туда гдѣ радость вѣчная и блаженство нескончаемое. Житейскими бурями, въ корабіи листа, отъ корня своего закинутый въ край далекій и тутъ окончившій вѣкъ краткій и печальный. Да внидетъ въ радость онъ сладчайшаго Христа.

Александра Захарова 39 лѣтъ
О Боже сильный, нашъ Спаситель
Пошли душѣ ея покой
Всели ее въ свою обитель
И со святыми упокой

Неумолимая смерть отъ земли
Ее такъ рано отняла
И въ непріютный мракъ могилы
Съ собой на вѣки увела

Услышъ ее о царь небесный
Моленьямъ грѣшницы внемли
Спусти ты къ ней свой перстъ чудесный
И двери рая отвори

* * *

Любовь Языкова 27 лѣтъ (1856 года)
Тебя ужъ нѣтъ, тебя не стало
Тебя похитила земля
Ты насъ любить всѣхъ перестала
И счастье все отъ насъ взяла.

Мама! встань, проснись
На насъ взгляни, хоть разъ еще
Насъ обойми.. Отраду дай намъ
Спротамъ и слезы горькія утри

Падемъ предъ иконой святой
Помолимся съ вѣрой о ней
Покойся любовь Богъ съ тобою
Отрада душѣ Отъ твоей

* * *

Иннокентій Ермоновъ 24 лѣтъ (1878 г.).
Ты увялъ какъ цвѣточекъ весенних полей
Не снеся хладныхъ бурь сей юдоли
Не вкусивши плодовъ свѣтлыхъ юности дней
Но да будетъ же Божія воля.

Мы родные твои будемъ Бога молить
Да вселить онъ тебя, въ царство свѣта,
Не забудемъ тебя, будемъ вѣчно любить
Спишь до вѣчнаго свѣтлаго лѣта.

* * *

Анастасія Рысева, младенецъ 1 года.
Тяжелаго прошлаго повѣсть
Читаю я мысленно снова
И мучитъ тревожную совѣсть
Грѣхи и ошибки былого.

Но еслибъ прошедшее снова
Вернулось по прихоти рока
То врядъ ли ошибки былого
Имѣли бы цѣну урока.

Поддавшись какъ прежде мгновенно
Его соблазнительнымъ чарамъ
Мы сдѣлали бъ вновь несомнѣнно
Ошибки подобныя старымъ.

* * *

Евгеній Кушковскій 3 лѣтъ (1880 года).
Мой милый сынъ, мой другъ Евгеній!
Зачѣмъ въ сей край привезъ тебя?
Здѣсь отъ климатическихъ болѣзней
Я не могъ спасти тебя.

Моментъ ужасный вспоминаю
Когда ты на вѣкъ глаза закрылъ
Твой трупъ слезами обливаю
Въ странѣ изгнанья я зарылъ.

Съ тѣхъ поръ меня ничто не веселитъ
Твой образъ всюду предо мною
Печаль въ душѣ свинцомъ лежитъ
И я брожу сюда съ тоскою.

Мой Богъ услышь мое моленье
Мои страданья прекрати
Иль дай мнѣ силы и терпѣнье
Крестъ тяжелый мой нести.

* * *

Александръ Оловинъ—младенецъ (1885 г.).
Разкройся нѣмая могила
Сынъ нашъ на насъ посмотри!
Забылъ ты какъ мать тебя нѣжно любила
Встань и слезы отцу ты утри!

Нѣтъ сынъ не встанешъ ты больше
Не можешь взглянуть ты на насъ
Будутъ дни печальные дольше
Какъ ты скоро угасъ?

И эта нѣмая могила
Въ объятья тебя приняла
Такъ рано милого сына
На вѣкъ отъ насъ отняла.

Прощай же нашъ любимый
Пусть съ миромъ покоится прахъ
Не успѣлъ разцвѣсти и поблекнулъ
И насъ оставилъ въ слезахъ

* * *

Иннокентій Аксеновъ 3 лѣтъ (1877 г.).
Предъ иконой свѣчка, трепетно горитъ
Въ гробикѣ малютка, какъ живой лежитъ

И лежитъ спокойно, не о чемъ страдать
На него безмолвно въ горѣ смотритъ мать
Головой припала и глядитъ на сына
Какъ цвѣточку въ полѣ не цвѣсти зимой
Такъ тебѣ ужъ больше не гулять со мной
Но не будешь милый Ксня
Въ жизни ты страдать
Молодыя силы для другихъ терять.
Не узнаешъ нашу жизнь
Что за радость жить!
Въ ней страданій чашу
Мнѣ одной лишь нить.
Проторю дорогу на могилку—твой домъ
Отживу вѣкъ лягу я съ тобой рядкомъ.
Земли минутный поселенецъ
Земли минутная краса
Зачѣмъ такъ рано мой младенецъ
Ты улетѣлъ на небеса
Зачѣмъ въ юдоли сей мятежной
О Ангелъ чистой красоты
Среди печали безнадежной
Отца и мать покинулъ ты.
Милый сынъ давно ли ты
По нашимъ комнаткамъ гулялъ
И давно ли въ нихъ ты
Свои пѣсни распѣвалъ.
А теперь открой-же глазки
Встань! взгляни какъ плачемъ мы
Но нашъ зовъ и наши ласки
Не воскресятъ какъ знаешъ ты
Спи младенецъ нашъ прекрасный
Безпробуднымъ вѣчнымъ сномъ
И отъ насъ и день прекрасный
Улетаетъ съ каждымъ днемъ.

* *
*

Екатерина Галкина.
Прими поклонъ дорогая
Мои оскорбленія прости
Помолись обо мнѣ ты родная
И отпущеніе грѣховъ попроси.

Св. Великомученица Екатерина моли Бога о успокоеніи рабы Божіей соименницы твоей Екатерины. Миръ праху твоему безропотная страдалица.

Н. Можѣевъ.

СТАРИННАЯ СВАДЬБА ВЪ С. РЫБИНСКОМЪ КАНСКАГО УѢЗДА, ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Окончаніе).

7. Проводины жениха днемъ.

Когда отгуляютъ приглашенный или пехмѣльный столъ, т. е. дня черезъ два послѣ вечерки, то всѣ расходятся по домамъ, а нѣкоторые провожаютъ жениха; невѣста съ дѣвушками тоже идетъ провожать жениха до его квартиры. Тамъ ихъ угощаютъ; а потомъ провожаютъ жениха за деревню. Женихъ уѣзжаетъ, сговорившись о томъ, когда дѣлать свадьбу. Во время проводовъ обязательно поютъ:

Колечко мое золотое
И не знаю куда дѣть:
Если на руку надѣть....
Калинъ малинъ мое,
Малинъ малинъ мое!
Мнѣ продать—промѣнять:
Будетъ миленькій пенять.
Малинъ малинъ мое,
Малинъ малинъ мое!
Пойду, выйду на гору,
Брошу перстень подъ гору.
Калинъ малинъ мое,
Малинъ малинъ мое!
На пристань, на рѣку.
Калинъ малинъ мое,
Малинъ малинъ мое!
Онъ не тонетъ, не плаваетъ,
Ко бережку пристаетъ.
Калинъ малинъ мое,
Малинъ малинъ мое!
Ко бережку пристаетъ,
Тоску—злодушку даетъ.
Калинъ малинъ мое,
Малинъ малинъ мое!
Ужъ ты, Ваня, важенатъ,
Что ты долго не женатъ?
Калинъ калинъ мое,
Малинъ, малинъ мое!
Ты само мнѣ не велѣла,
За меня замужъ хотѣла.
Калинъ малинъ мое,
Малинъ, малинъ мое!

За меня замужъ хотѣла,
Ты посвататься хотѣла.
Калинъ малинъ мое,
Малинъ малинъ мое!

8. Отпускъ.

Къ дню свадьбы собираютъ поѣздъ: крестнаго дѣлаютъ „тысяцкимъ“, садятъ рядомъ съ женихомъ, а „сваха“ крестная садится тоже рядомъ съ нимъ, но съ другой стороны, т. е. съ лѣвой. Такъ называемый „большой боярин“ садится возлѣ тысяцкаго, „княжевой боярин“ садится рядомъ съ большимъ боярином; „меньшой боярин“ возлѣ княжевого боярина, если свадьба богатая, то ихъ человѣкъ до 12. Послѣ бояръ садятъ „полудружья“, возлѣ полудружья „дружка“. Дружка всѣ слушаютъ, чтобы онъ не сказалъ и все исполняютъ, что онъ велитъ. Онъ долженъ хорошо знать порядокъ свадьбы. Собираютъ столъ и всѣ садятся по старшинству; собираются дѣвушки и молодыя бабы, даже не званныя, провожать жениха. Поютъ пѣсню.

Въ это время тысяцкій сидитъ подъ иконой.

1

Гдѣ то сидитъ,
Гдѣ то сидитъ нашъ тысяцкій?
Тутo свѣчи Богу надобны:
Сіяетъ надъ ними Мать Божія Богородица
Со всею силою небесною,
Хочетъ его помиловати со всѣмъ поѣздомъ.
Тысяцкій воевода, подвинься поближе.
Тута свѣчи Богу надобны:
Со всею силою небесною
Хочетъ Онъ его помиловати
По пути его дороженькѣ
Со всѣмъ поѣздомъ.
И мы тебѣ поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ:
Честь и хвала, честь и хвала
Да тебѣ молодцу вся похвала!
Молодой твоей женѣ душечкѣ (имя).
Низкій поклонъ!
Твоей дочери*) родной (имя)
Низкій поклонъ!
Русая коса у нея до пояса,
И до пояса алая лента извивается,
Женихи за ней присылаются!

*) Или: твоему сыну родному (имя).

II.

Гдѣ то сидитъ, гдѣ то сидитъ
Нашъ бояринъ большой?
Мы тебѣ поемъ, мы тебѣ поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ!
Честь и хвала, честь и хвала
Да тебѣ молодцу вся похвала!
Молодой твоей женѣ душечкѣ (имя)
Низкій поклонъ!
Твоей дочери родной (имя)
Русая коса, коса до пояса!
Алая лента извивается,
Женихи присылаются!

Эту пѣсню поютъ всѣмъ, но дружкѣ особая:

III.

Нашъ друженекъ-повертышекъ,
Куда хочетъ повернется,
Хоть во медъ, хоть бо патоку!
Мы тебѣ поемъ мы тебѣ поемъ.
Слышишь ли, нашъ друженька?
Тебѣ честь воздаемъ!
Честь и хвала, тебѣ молодцу вся похвала!

IV.

Свахѣ поютъ:
Гдѣ то сидитъ наша свашенька богатая?
Она съ гривны на гривну вступала,
Рублемъ дѣвушекъ за пѣсенки дарила!

Поющія ставятъ затѣмъ на столъ посуднну, и за пѣсни ихъ дарятъ. Послѣ этого, помолившись Богу, садятся на коней.

9. Повѣстка невѣстѣ.

Весь поѣздъ жениха пріѣзжаетъ въ деревню, въ которой невѣста, и останавливается на прежней квартирѣ. Невѣстѣ дружка и полудружье даютъ *повѣстку:* привозятъ ей вѣнчальныя ботинки, зеркало, мыло, хлѣбъ, соль, пирогъ съ изюмомъ, курицу, или окорокъ, или индюшку. Невѣста начинаетъ готовиться къ дѣвичнику и когда окончитъ туалетъ, то приглашаютъ всѣхъ дѣвушекъ изъ деревни, а затѣмъ весь поѣздъ жениха. Входятъ въ избу три дѣвушки и зовутъ оставшихся на улицѣ:

Здравствуйте, тетушки, дядюшки,
Красныя дѣвушки, молодцы удалые!
Пожалуйте на дѣвичникъ къ Марьѣ Ивановнѣ!

Когда всѣхъ дѣвушекъ позовутъ, тогда приглашаютъ жениха:

Пожалуйте на дѣвичникъ къ Марьѣ Ивановнѣ!

10. Дѣвичникъ.

Когда жениха позовутъ, то приведутъ невѣсту, садятъ за столъ; дѣвушки, сваха и крестная тоже садятся; но когда женихъ войдетъ, то дѣвушки встаютъ и уступаютъ мѣсто поѣзду жениха. Всѣ здороваются съ невѣстой. Жениха выходятъ встрѣчать во дворъ родители невѣсты съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ водка, и угощаютъ его.

Когда всѣ войдутъ, сядутъ за столъ, то дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни; пропоютъ тысяцкому и поѣзду то же самое, что пѣли на „отпускѣ“. Здѣсь дѣвушекъ такъ же дарятъ, какъ и раньше дарили.

Затѣмъ, хозяева начинаютъ подавать на столъ. Сначала идетъ холодное, и послѣ каждаго блюда водка: потомъ рагливное, жареное, котлеты, птица и прочее. Самое послѣднее кушанье „курникъ“. Онъ приготовляется изъ ячменной крупы, сверху засыпаютъ рубленными яйцами. Изъ тѣста дѣлаютъ вырѣзную крышку, покрываютъ ей курникъ и пекутъ въ печи. Курникъ подноситъ стряпка, или женщина, которая его пекла: она разрѣзаетъ курникъ и подаетъ всѣмъ по ложечкѣ и при этомъ обноситъ виномъ; ее за угощенье дарятъ. Послѣ подарка „бояре“ поютъ пѣсни.

I.

У насъ конечки готовые,
Ямщичечки всѣ по возамъ,
Намъ отваливать пора,
Намъ отваливать пора
Со широкаго двора.
Ты прощай, наша весновка,
Прощай, Шадринъ—городокъ,
Прощайте, наши любезны,
Поминайте насъ, ребятушки!
Поминайте, не ругайте,
Мы опять будемъ сюда.
Ужъ мы будемъ, не забудемъ,
Васъ, любезны, извѣстимъ.
Вдоль по Шадрину пройдемъ,
Вдоль по Шадрину пройдемъ,
Пѣсню нову запоемъ.
Запоемъ мы пѣсню нову.
Мы не сами про себя—
Про любезныя своихъ.

Чтобы слышали любезны,
Насъ встрѣчали молодцевъ,
Насъ встрѣчали, провожали,
Слезно плакали про насъ.
Что со этихъ слезъ горячихъ
Быстра рѣчка протекла,
Что со дѣвушкиныхъ слезъ.

Послѣ этого поютъ пѣсню полудружью

II.

Нашъ полудружье хорошенькій.
Ой, да хорошенькій!
Его дѣвушки любили,
Въ нову горенку водили,
Чаемъ—кофеемъ поили,
Алымъ платкомъ подарили,
За платочекъ цѣловалъ.

Какъ только пропоютъ эту пѣсню, полудружье встаетъ, всѣхъ обноситъ пивомъ. Затѣмъ гости прощаются и столъ кончается.

Выходятъ всѣ во дворъ провожать поѣздъ. Во дворѣ становятся по старшинству и гостей кто-нибудь изъ родни невѣсты обноситъ водкой, виномъ. Невѣста тоже выходитъ во дворъ и уходитъ, когда всѣ простятся; потомъ переодѣваетъ подвѣнечное платье, одѣвается попроще и садится на свое мѣсто, а дѣвушки въ это время провожаютъ поѣздъ, поютъ:

III.

Вечеръ дѣвки, вечеръ дѣвки,
Вечеръ дѣвки, вечерипочку сидятъ.
Отколь взялся дѣвушкамъ незнамый человѣкъ,
Незнаменькій, незначенькій,
Незнаменькій, незнакоменькій.
Стали дѣвушки перешептываться:
Еще чѣмъ же гостя подчивати—
Пивцомъ, винцомъ, пивцомъ, винцомъ,
Пивцомъ, винцомъ, красной водочкой,
Орѣшками, орѣшками,
Орѣшками, голымъ ядрышкомъ.
Одна дѣвушка смѣлешенька была,
Взяла парня за волосы.
По сѣнничкамъ, ровно вѣничкомъ мететъ,
А съ крыльца то словно мячикомъ тряхнетъ,
А по улицѣ, а по улицѣ.

А по улицѣ мимо кузницы.
Во кузницѣ молодые кузнецы.
Куютъ, дуютъ, куютъ, дуютъ,
Куютъ, дуютъ, приналавываютъ,
Меня Дуню, меня Дуню,
Меня Дуню приналваливаютъ.
Пойдемъ, Дуня, пойдемъ, Дуня,
Пойдемъ, Дуня, во лѣсокъ, во лѣсокъ;
Сорвемъ Дунѣ, сорвемъ Дунѣ,
Сорвемъ Дунѣ лопушокъ, лопушокъ;
Сошьемъ Дунѣ, сошьемъ Дунѣ,
Сошьемъ Дунѣ сарафанъ, сарафанъ—
По здѣшнему съ рукавамъ, съ рукавамъ,
По россійски съ частымъ пуговицамъ.
Вотъ разсукинъ сынъ тараканъ, тараканъ
Съѣлъ у Дуни сарафанъ, сарафанъ!

11. Дѣвичникъ безъ жениха (въ тотъ же день).

Когда дѣвушки проводятъ поѣздъ, то возвращаются и садятся за столъ съ невѣстой, при чемъ дѣвушки, которыя сродни невѣстѣ, ближе къ ней, а остальныя, какъ придется. Имъ подаютъ тѣ же кушанья, что и боярамъ; когда столъ кончатъ, то невѣста затягиваетъ пѣсню, а подруги помогаютъ:

Благодарствую тебѣ, батюшка,
За хлѣбъ, за столъ,
За послѣднюю уженку.
Отпила то я, откушала
У родимаго, у батюшки.
Со любезныя подруженьки,
Со своимъ то любымъ гостейкомъ.

Эту пѣсню пропоютъ каждому родственнику. Затѣмъ невѣста закроется платкомъ, плачетъ и, наконецъ, уходитъ, а дѣвушки играютъ и поютъ пѣсни, часто до утра.

12. Отпускъ у невѣсты.

Дружка пріѣзжаетъ утромъ. Когда онъ пріѣдетъ, то родители невѣсты приготовляютъ столъ на два блюда, а третье блюдо состоитъ изъ „гуся", который сдѣланъ изъ бумаги, и имѣетъ форму настоящаго гуся: съ головой, крыльями, ногами. Невѣста благословляется родителями, а дѣвушки во время благословенія поютъ:

Что не верба то клонится,
Не кудрявая то приклоняется;
Ужъ наша то (имя) благословляется
У родимого то своего батюшки.

Эту же пѣсню поютъ матери, крестному, старшему брату и сестрѣ.

Всѣ садятся за столъ и ждутъ поѣздъ. Поѣздъ выходятъ встрѣчать на улицу съ виномъ и водкой; заходятъ въ комнату и начинаютъ разговаривать съ братомъ невѣсты, который сидитъ около нея въ шапкѣ. Если нѣтъ брата, то кого-нибудь назначаютъ за брата.

Братъ продастъ косу невѣсты.

Поѣздъ говоритъ:

—Что это въ переднемъ углу и въ шапкѣ?

Братъ молчитъ. Поѣздъ:

— Надо его угостить, чтобы онъ вышелъ.

Дружка беретъ стаканъ пива и вина и угощаетъ брата. Тотъ не принимаетъ и говоритъ:

—Пожалуйте мнѣ коня съ сѣдломъ, молодца съ конемъ! Его опять просятъ, кланяется весь поѣздъ, чтобы выпилъ, но братъ невѣсты все молчитъ. Наконецъ, женихъ беретъ у дружки изъ рукъ подносъ и подаетъ брату невѣсты, тотъ беретъ вино съ подносомъ и кроситъ дѣвушекъ, сидящихъ за столомъ, помочь выпить вино. Когда вино выпьютъ, то стаканы ставятъ вверхъ дномъ, а подносъ со стаканами посреди стола. Потомъ поѣздъ говоритъ:

— Теперь можешь выйти, а то мы стоимъ, ты сидишь!

—Загородите „остожья“!—говоритъ братъ и показываетъ на стаканы.

Тогда бояре бросаютъ деньги на столъ, кто сколько можетъ.

— Разъ загородили, то и накрыть надо!

Покрываетъ тысяцкій, смотря по состоянію, но не меньше рубля. Какъ только „накроютъ остожья“, братъ снимаетъ шапку, а поѣздъ бросаетъ въ него своими шапками. Послѣ этого онъ уходитъ и дѣвушки за нимъ же слѣдомъ; поѣздъ садится за столъ, его угощаютъ чаемъ. Въ это время дѣвушки поютъ одну или двѣ пѣсни, какъ успѣютъ. Вотъ первая пѣсня.

Сидѣлъ Ваня на диванѣ,
Въ первомъ залѣ за столомъ.
Наливаетъ стаканъ рому.
Не наливши съ полстакана,
Самъ за Катенькой послалъ.
Распрелестная Катюша,
Извѣщай-ка жизнь мою.
Я любилъ Катю три года,
Не за умъ—за красоту!

А теперь я оставляю,
Ѣду жить во Петербургъ.
Въ Петербургѣ жить вольнѣе:
Есть гдѣ деньги прогулять!
Было денегъ тысячъ двадцать,
Всѣ ихъ дѣвушкамъ провелъ.
На послѣднюю пятитку
Найму тройку лошадей,
Найму троечку лихую
И повозочку глухую.

Вторая пѣсня:

При долинушкѣ калинушка стоитъ,
На калинѣ соловей птичка сидитъ,
Горьку ягодку калинушку клюетъ,
Малиною закусываетъ.
Прилетали къ соловушкѣ соколы,
Звали, звали соловушку съ собою.
Посадили соловьюшку въ клѣточку,
Во серебряну рѣшеточку.
Не давали соловьюшкѣ пить и ѣсть.
Заставляли соловьюшку пѣсни пѣть.
Ты воспой, просвисти, мой соловей,
При капитанѣ взвесели моихъ гостей,
При кручинѣ добра молодца меня—
Вотъ дѣвушки разорили до конца.
Не велятъ то мнѣ за рѣченьку ходить,
Тамъ за рѣченькой слободушка стоитъ,
Во слободкѣ молода вдова живетъ,
У вдовушки дочь хорошая ростетъ,
Лицо бѣло, ровно бѣленькій снѣжокъ,
Щеки алы, словно маковый цвѣтокъ!

Третья пѣсня:

Не для тебя, мой милый.
Въ полѣ цвѣты цвѣтутъ
Гдѣ нѣтъ тебя со мною,
Вездѣ мнѣ скука тутъ.
Пойду я въ тотъ лѣсочекъ,
Гдѣ милъ меня ласкалъ,
Сорву я тамъ цвѣточки;
Спѣшу дружка сыскать.
Не шумъ зеленой рощи,
Не быстры тамъ ключи,

Не съ горъ текутъ прудочки,—
Нельзя кольцо вручить.
Пастушка—мнѣ подружка,
Барашекъ—милый другъ.
Мнѣ пѣсни пѣть не лтно,
Мнѣ пища не вкусна!
Отстаньте, лоты страсти!
Куда я такъ спѣшу?
Пастушка—не подружка
Барашекъ—мнѣ не другъ!

Послѣ пѣсень дружка говоритъ:

—Ну, батюшка и матушка, умѣрьте свое дѣтище родить, поить, кормить и сумѣйте нашему милому князю на руки сдать.

Тогда отецъ подходитъ къ дочери, беретъ бѣлый платочекъ и за руку передастъ дочь жениху. Тотчасъ постилаютъ на полъ войлокъ, на который встаютъ отецъ и мать, женихъ и невѣста. Происходитъ благословеніе. Женихъ и невѣста кланяются въ ноги родителямъ, а тѣ благословляютъ хлѣбомъ-солью и иконами. Дѣвушки поютъ;

Что не верба къ землѣ клонится,
Не кудрявая приклоняется,
Машенька съ Ванюшкой благословляются
У родимаго батюшки,
У родимой матушки.

Женихъ и невѣста ѣдутъ въ другую деревню; невѣста въ своихъ саняхъ, женихъ въ своихъ: дѣвушки провожаютъ и поютъ:

I.

Отлетаетъ то мой соболикъ
Изъ очей моихъ изъ глазъ,
Отъѣзжаетъ то мой другъ разлюбезный
Изъ очей моихъ изъ глазъ.
Съ уваженьицемъ дружка проспла:
Хоть немножко со мной поживи,
Хоть немножечко—маленько,
Одинъ кругленькій годокъ,
Хоть одинъ кругленькій годокъ,
Одинъ темный вечерокъ.
Возлѣ насъ то сосѣди живутъ злые,
Неприсудливый такой народъ.
Не присудятъ и не присовѣтуютъ

Дружку ножить,
Велять бросить, позабыть.
Я тогда дружка забуду,
Когда скроются глаза,
Когда скроются мои очи ясныя,
Призастынетъ въ лицѣ кровь,
Призастынетъ кровь горячая,—
Тогда кончится наша любовь,
Тогда кончится, рѣшится
У рѣшетчатыхъ нашихъ воротъ....
Призасыплютъ мое тѣло бѣлое
Съ горъ желтымъ мелкимъ пескомъ.

II.

Что-же ты, соловушекъ,
Не веселъ сидишь?
Вѣшаешь головушку,
Ненаглядный мой.
Или любишь дѣвушку—
Свѣдался съ тоской.
— Я люблю красоточку —
Все она молчитъ,
Ретиво мое сердечушко
Все сушитъ, крушитъ.

III.

Ходила дѣвушка по лѣсочку,
Наколола ноженьку на былинку.
Болитъ моя ноженька, да не больно;
Любилъ меня миленькій, да спокинулъ.
Спокинулъ красоточку ненадолго —
Не надолгое времячко—на часочекъ.
Часочекъ мнѣ кажется за денечекъ,
Денечекъ мнѣ кажется за недѣлю,
Недѣлюшка кажется за май мѣсяцъ,
Май мнѣ мѣсяцъ кажется за полгода,
Полгодочка кажется за годочекъ.
Ѣхалъ мой миленькій въ городочекъ,
А я, красна дѣвочка, за нимъ вослѣдочекъ.
Гналась, гналась Машенька—не догнала;
Голосомъ кричала—онъ не слышитъ,
Платочкомъ махала—миленькій не видитъ.
Гнула, гнула вишенку, не нагнула,
Не нагнула вишенку—тутъ уснула.

IV.

Куда, купчикъ-голубчикъ, идешь,
Куда рано пробираешься?
Я иду ко цыганочкамъ,
Пробираюсь ко молоденькимъ.
Хорошо цыганки пѣсенки поютъ,
Преотлично съ купцовъ денежки берутъ.
Какъ завидимъ деньги у купца,
Тогда спляшемъ мы вприсядку голубца.
Потребуемъ шампанскаго винца.
А цыганка глазомъ поведетъ—
Купецъ послѣдне отдаетъ.

V.

Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота,
Отворяй-ка ворота,
Пропускай-ка сокола.
Я бы рада отворить —
Буйный вѣтеръ въ лицо бьетъ,
Буйный вѣтеръ въ лицо бьетъ,
Частымъ дождечкомъ сѣчетъ, (2 р.)
Со головки цвѣты рветъ, (2 р.)
Съ бѣлой груди янтари,
Съ бѣлой груди янтаречки,
Большой шалевой платокъ, (2 р.)
Кисейный воротокъ.

VI.

Черезъ рѣчку, черезъ мостъ,
Небольшой былъ перевозъ:
Меня милый перенесъ,
Перенесъ, перетащилъ,
Ничего не замочилъ,
Ничего не замочилъ,
Башмачекъ съ ноги скочилъ.
Мнѣ не жалко башмачка,
Жалко бѣлаго чулка.
Башмакъ батюшка купилъ,
Чулокъ милый подарилъ.
Не задаромъ онъ дарилъ,
Погулять со мной ходилъ

13. Свадьба.

Участвовавшіе на отпускѣ у невѣсты возвращаются обратно, а невѣста, братъ, сваха и сзади кошева, въ которой родственницы невѣсты, ѣдутъ къ церкви. Другая съ коше

жкомъ и кошевной свахой направляется къ жениху. Въ этой кошевѣ *) нагружено „приданое“ невѣсты: ящики, подушки, постель, одѣяла, шубы, „обутки“ (обувь) и одежда

Кошева съ приданымъ останавливается во дворѣ жениха; кошевная сваха и кошевникъ не сходятъ съ воза и сидятъ до тѣхъ поръ, пока не вынесутъ имъ водки и подарокъ. Выпиваютъ и тотчасъ же сходятъ съ кошевы со словами:

—Ну, теперь ищите узелъ!

Женихова родня тщательно ищетъ узла и не можетъ его найти. Тогда выносятъ кошевнику цѣлую бутылку и просятъ его найти узелъ. Тотъ скоро находитъ, и кошевку разгружаютъ. А кошевная сваха в. это время готовитъ постель для молодыхъ, которыхъ ждутъ изъ церкви. Для препровожденія времени пьютъ чай.

Пріѣхавшихъ молодыхъ встрѣчаютъ во дворѣ. Женихъ и невѣста становятся рядомъ, съ ними рядомъ сваха жениха и невѣсты. Мать невѣсты выходитъ и осыпаетъ новобрачныхъ хмѣлемъ, а затѣмъ съ отцемъ благословляетъ ихъ иконой и хлѣбомъ-солью.

Послѣ благословенья всѣхъ угощаютъ водкой, молодой даютъ хлѣбъ-соль на руки и всѣ идутъ въ комнату. Садятся за столъ, пьютъ чай. Въ это время играютъ на гармоникѣ, или гитарѣ, или скрипкѣ съ бубномъ.

Послѣ стола бояре ѣдутъ гулять по улицѣ, дружка со свахами остается и укладываютъ молодыхъ спать: запираютъ ихъ на замокъ; ключи остаются у дружки. Черезъ нѣсколько времени дружка входитъ къ молодымъ и спрашиваетъ:

— **Благополучно-ли?**

Войдетъ и посмотритъ; тогда приходитъ въ комнату, беретъ какую либо посуду и разбиваетъ.

А свахи говорятъ:

— Мы тебѣ не вѣримъ, сами пойдемъ, посмотримъ

Берутъ ключи и идутъ.

Когда свахи увѣрятся, то велятъ переодѣться молодухѣ. Затѣмъ бьютъ посуду *) и танцуютъ.

Къ этому времени пріѣзжаютъ изъ своей деревни мать и отецъ жениха; останавливаются на особой квартирѣ. Когда у жениха узнаютъ объ ихъ пріѣздѣ, то берутъ платокъ, завязываютъ въ него бѣлье, прикалываютъ нѣты и ѣдутъ

---

*) Кошева увязана веревками.

*) Если „не благополучно“, то посуды не бьютъ, а находятъ разбитую, негодную къ употребленію посуду и подаютъ отцу и матери невѣсты.

приглашать въ домъ невѣсты. Когда пріѣдутъ, то вскакиваетъ въ комнату родителей невѣсты и бьютъ посуду, которую привезятъ съ собой.

При битьѣ песуди поютъ:

I.

Ужь ты, мать моя, матушка,
Государыня боярыня моя!
Ты нащто меня хорошу родила,
Вотъ счастливую, талантливую!
Мнѣ нельзя мати
Къ обѣденки идти,
Мнѣ нельзя то Богу молиться,
Нельзя то низко кланяться.
Всѣ попы на меня зарятся,
Всѣ попы на меня зарятся,
Дьякона то зачитаются,
Дьякова то зачитаются,
Попомарья зазвоняются.
Полюбилъ меня молоденькій попокъ,
Посулилъ мнѣ шелковой платокъ;
Мнѣ платочекъ носить хочется,
А попа любить не хочется.
Полюбилъ меня самъ господинъ,
Посулилъ мнѣ гороху рѣшето;
Мнѣ гороху ѣсть не хочется,
Господина любить хочется.

II.

Близь ко Дону, близь ко Дону,
Близь ко тихому Дунаю,
Близь ко тихому Дунаю,
Добрый молодецъ гуляетъ.
Онъ не свищетъ, не гаркаетъ,
Табунъ коней загоняетъ,
Табунъ коней загоняетъ,
Вороныхъ онъ залучаетъ.
Ты, дѣвица красавица,
Пособи коней загнать.
Я бы рада—пособила,
Боюсь матушки—отца,
Боюсь, боюсь я отца,
Распотѣшу молодца.
Я за то его потѣшу,
Что одинъ сынъ у отца;

Онъ родился, окрестился,
Зовутъ Ванюшкою.
Зовутъ Ванюшкой—пивоварушкой.
Ваня пивушко варилъ,
Зелено вино курилъ,
Красныхъ дѣвушекъ поилъ.

III.

Посѣю лебеду на берегу,
Свою крупную рассадушку,
Свою крупную зеленую.
Погорѣла лебеда безъ воды,
Погорѣла лебеда безъ воды,
Моя крупная рассадушка,
Моя крупная зеленая!
Пошлю я казака за водой—
Ни воды нѣтъ, ни казаченька,
И ни воды нѣтъ, ни казаченька.
Кабы мнѣ младой ворона коня,
Я бъ вольна казачка была,
Я бы вольная молоденькая,
Скакала, плясала по лугамъ,
По лугамъ, по зеленымъ дубравушкамъ,
Съ донскимъ молодымъ казакомъ,
Со удалымъ добрымъ молодцомъ.

IV.

Вотъ жги, урви, говори!
Рукавички барановыя
Рукавички барановыя,
И не ношены, не мараныя!
Вотъ жги, урви, говори!

V.

Я по травкѣ шла,
По муравкѣ шла,
По муравкѣ я шла,
Тяжело въ рукахъ несла:
Коромысло и валекъ,
Коромысло и валекъ,
Душѣ милому платокъ.
Душа милый, душа я,
Душа ягодка моя,
Все глядѣлъ бы на тебя!
Мои глазаньки глядятъ,
Говорить съ тобой хотятъ.

Здравствуй, милая моя,
Дома-ль мамонька твоя?
Нѣту тяти, нѣту мамы,
Нѣту дома никого,
Нѣту дома никого,
Полѣзай маіоръ въ окно!
Не маіорска твоя честь
По ночамъ въ окошко лѣзть!

VI.

Анюшечка маленька,
На ней юбка аленька.
На ней юбка аленька
На ней шубка черненька,
Сама чернобровенька.
Черноброва, черноглаза,
Русокудреватая!
На колѣни посажу,
Кудерушки расчешу,
Русы кудри расчешу,
Поцѣлую, обойму!

14. Начательный столъ.

Послѣ этихъ пѣсенъ ѣдутъ домой и ложатся спать; утромъ готовятъ столъ и ѣдутъ приглашать гостей. молодые ѣдутъ за отцемъ и матерью и за тѣми. кто пріѣхалъ съ ними изъ среднихъ невѣсты. Когда пріѣзжаютъ звать. то женихъ и невѣста кланяются отцу и матери въ ноги и ѣдутъ назадъ. а за ними и родители. Ихъ встрѣчаютъ на дворѣ съ бутылками и рюмками. которыя обвязываютъ разноцвѣтными лентами. Сначала угощаютъ отца и мать. а потомъ остальныхъ. и затѣмъ всѣхъ приглашаютъ въ комнату. Здѣсь родителей невѣсты садятъ въ передній уголъ Всѣхъ гостей обыкновенно бываетъ стола на три. четыре. Столъ длится очень долго, часто съ утра и до вечера.

На другой день бываетъ второй столъ. и тоже шумный и продолжительный. Во время стола поютъ:

I.

На крышкѣ воробей.
Онъ сидѣлъ чирикалъ.
Изъ окошекъ, изъ дверей,
Парень дѣвушку кликалъ:
Выйди, дѣвушка,
Выйди, свѣтъ,
Ко мнѣ за ворота:
Твоей мамоньки дома нѣтъ,

Некого бояться.
Послѣ шабаша портной
Вышелъ разгуляться,
Проходилъ кузнецкій мостъ,
Повернулъ налѣво,
Ни на лѣво, ни на право—
Заходилъ онъ прямо.

II.

Высоко соколъ летаетъ,
На кого свою любезную
Въ тоскѣ, горѣ оставляетъ.
Остаюсь я, Маша, въ горѣ.
Во слезахъ, какъ въ синемъ морѣ,
Въ моречкѣ волны бьются,
А у меня слезы льются,
Слезы льются—не уймутся:
Шибко жаль дружка милого,
Мнѣ не такъ жалко милого,
Жаль ума его предорогого.
У моего то милого
Кудерушки были въ три рядочка.
Отъ чего это кудри вьются,
Отъ чего русые сѣкутся?
Отъ радости кудри вьются,
Со печалюшки сѣкутся.
Что со этой, со печали
По плечамъ кудри лежали.
Вечеръ поздно изъ лѣсочка
Я коровъ домой гнала,
Я спустилась къ ручеечку
Близь зеленаго лужка.
Слышу, вижу: ѣдетъ баринъ,
Двѣ собачки впереди,
Два лакея позади.
Какъ со мною поравнялся,
Бросилъ взоръ свой на меня.
—Здравствуй, милая красотка,
Изъ котораго села?
—Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала ему я,
Отвѣчала я ему.
Господину моему.
—Сегодня ты крестьянка,
Завтра будешь госпожа!

У Успенскаго собора
Въ большой колоколъ звонятъ,
Нашу милую Парашу
Вѣнчать съ барином хотятъ!

IV.

Находили тучи черныя,
На погибельный Кавказъ.
За насъ матушка Россея
Молитъ Богу завсегда.
Намъ отъ горскаго смердея
Нѣтъ спокою никогда
Мы спокою не имѣли.
Все ходили по горамъ,
Злыхъ враговъ колоть умѣли.
Честь и слава молодцамъ!
Гдѣ мы встрѣтимся съ врагами,
Мы сразимся на штыки.
Штыкъ трехгранный, намъ товарищъ,
Кабы знали: чей, откуда,——
Почитали за отца.

V.

Тутъ плывутъ, повосплываютъ,
Ровно тридцать кораблей.
Они плывутъ и гребутся.
Пѣсни весело поютъ,
Пѣсни весело поютъ, разговариваютъ,
Разговариваютъ, все Равчеева браньтъ:
Ты, разсукинъ сынъ, Равчеевъ,
Воръ, не русскій человѣкъ!
Проживаетъ, проѣдаетъ наше жалованье,
Деньжевое, дешевое, третье денежное.
Что на эти онъ на деньги,
Себѣ выстроилъ домокъ,
Себѣ выстроилъ домокъ,
Изъ хрусталя потолокъ!
Что по эту потолку,
Быстра рѣченька текла,
Жива рыбка пущена,
Жива рыбка пущена.
Кровать новая тесова,
Что на этой на кровати
Самъ Рачеевъ воръ лежитъ,
Самъ Равчеевъ воръ лежитъ,
На живу рыбку глядитъ.

15. Подарный столъ.

Когда столъ кончится, начинаютъ дарить. Дарятъ отцу, мать, родственниковъ, а тѣ отдариваются скотомъ и т. деньгами.

16. Гуляніе стола.

Когда кончатъ дарить, ѣдутъ по улицѣ и заѣзжаютъ к тысяцкому въ гости. Дорогой поютъ:

1) Запрягу я тройку борзу
Темно-сѣрыхъ лошадей.
И помчуся въ ночь морозну
Прямо къ любушкѣ своей.
Ѣду, ѣду, ѣду къ ней,
Ѣду къ любушкѣ своей!
По привычкѣ кони знаютъ,
Гдѣ сударушка живетъ.
Ѣду, ѣду, ѣду къ ней,
Ѣду къ любушкѣ своей!
Снѣгъ копытами срываютъ,
Ямщикъ пѣсенку поетъ.
Ѣду, ѣду, ѣду къ ней,
Ѣду къ любушкѣ своей!
Ночь была холодна, ясна,
Ямщикъ тройку осадилъ.

(Припѣвъ)

Покуль сердце въ груди бьется,
Будемъ весело мы жить.

(Припѣвъ).

Покуль кудри въ кольцо вьются,
Будемъ дѣвушекъ любить!

(Припѣвъ).

У тысяцкаго танцуютъ, столуютъ, а потомъ ѣдутъ по боямъ.

На утро — къ жениху на похмѣльный столъ, на который зовутъ гостей уже молодые. Столъ идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и прочіе столы. Послѣ стола ѣдутъ по боярамъ, начиная со старшаго. Въ время поѣздки къ боярамъ поютъ.

Съ горъ солнце выкатилось.
Волга рѣчка разлилвалась.
Вспотопила то Волга всѣ долы, горы,
Кустечки ракитовы,
Ракитовые кустечки таловые.
Что на томъ то кусту завито гнѣздо,
Завито тамъ гнѣздо,

Да не орлиное,
Не орлиное гнѣздо—соловьиное.
Рассоловьюшекъ высоко сидѣлъ,
Высоко то сидѣлъ;
Да онъ громко свисталъ,
Онъ громко то свисталъ—
Во всю голову,
Во всю голову,
Слышно было въ городѣ,
Слышно въ городѣ,
Во каменной Москвѣ.
Въ каменной-то Москвѣ,
Тамъ огни горятъ,
Тамъ огни горятъ,
Свѣчи теплются,
Свѣчи теплются,
Люди Богу молятся,
Богу молятся,
Низко кланяются,
Низко кланяются,
Они думу думаютъ,
Думу думаютъ,
Какъ намъ вѣкъ прожить.

17. Прощеный столъ.

Черезъ 3 дня послѣ этого родные молодухи разпрощаются и ѣдутъ домой. На проводинахъ поютъ:

Ужъ мы поле чистили, чистили!
Ужъ мы просо сѣяли, сѣяли!
Ой, зеленая роща, алый цвѣтъ!
Ужъ мы просо вытопчемъ, вытопчемъ!
Ой, зеленая роща, алый цвѣтъ!
Ужъ вы чѣмъ просо вытопчете, вытопчете?
Ой, зеленая роща, алый цвѣтъ!
Ужъ мы коней выпустимъ, выпустимъ!
Ой, зеленая роща, алый цвѣтъ!
Ужъ мы коней переймемъ, переймемъ!
Ой, зеленая роща, алый цвѣтъ!
Ужъ вы чѣмъ коней переймете, переймете?
Ой, зеленая роща, алый цвѣтъ!
Мы шелковымъ чембуромъ, чембуромъ!
Ой, зеленая роща, алый цвѣтъ!
Ужъ мы коней выкупимъ, выкупимъ!
Ой, зеленая роща, алый цвѣтъ!

Ужъ вы чѣмъ выкупите, выкупите?
Ой, зеленая роща, алый цвѣтъ!
Мы дадимъ вамъ сто рублей, сто рублей!
Ой, зеленая роща, алый цвѣтъ!
Намъ не надо тысячи, тысячи!
Ой, зеленая роща, алый цвѣтъ!
Мы прибавимъ бабочку, бабочку!
Ой, зеленая роща, алый цвѣтъ!
У насъ баба дома есть, дома есть!
Ой, зеленая роща, алый цвѣтъ!
Мы дадимъ вамъ дѣвицу, дѣвицу.
Ой, зеленая роща, алый цвѣтъ!
Намъ дѣвченка надобна, надобна!
Ой зеленая роща, алый цвѣтъ!

— Ну, оставайся у насъ! —говорятъ свекоръ и свекровь.

Еще поютъ:

Подъ горою колодецъ.
Вотъ калина—малина.
Подъ крутою кипучій.
Вотъ калина—малина.
Полонъ меду натекся.
Вотъ калина—малина.
Съ краями наравнѣ.
Вотъ калина—малина.
Собирается дружка привычерпывати.
Вотъ калина малина.
У меня то, у младой, свекоръ батюшка лихой.
Вотъ калина—малина.
Свекоръ батюшка лихой:
По утру шлетъ за водой.
Вотъ калина—малина.
За холодной ключевой.
Вотъ калина—малина.
Ужъ я свекору удружу:
На ключъ по воду схожу.
Вотъ калина—малина.
А свекровкѣ угожу:
На печь въ уголъ посажу.
Вотъ калина—малина.
Какъ свекровка то сидитъ,
Потолочина дрожитъ.
Вотъ калина—малина.

Потолочина упала,
Двери выставила.
Вотъ калина—малина.
Двери выставила,
Избу выстудила.
Вотъ калина—малина.
Свекра вызнобила.
Вотъ калина—малина.
Ужъ какъ свекоръ на полатяхъ.
Вотъ калина—малина.
На конопляныхъ канатахъ.
Вотъ калина—малина.
А свекровка на печи.
Вотъ калина—малина.
Борза сучка на цѣпи.
Вотъ калина—малина.
А деверья соколы.
Вотъ калина—малина.
Какъ борзые кобели.
А золовки бутовки.
Вотъ калина—малина.
Кутятъ и мутятъ.
Вотъ калина—малина.
Кутятъ и мутятъ.
Вотъ калина—малина.
Моему мужу смутятъ.
Вотъ калина—малина.
Меня младу бить хотятъ
Вотъ калина—малина.

18. Дружкинъ столъ.

Когда проводятъ родныхъ, то провожаютъ „дружка“ съ пѣснями:

I.

Я не чаяла сегодня угорѣти.
Пришелъ вечеръ,
Голова стала болѣти.
Ой, люли люли!
Пришелъ вечеръ,
Голова стала болѣти.
Зашумѣли самовары на столѣ,
Расходился угары въ головѣ.
Ой, люли люли!

Расходился угары въ головѣ.
Безъ тебя, мой другъ,
Постелька холодна.
Вотъ люли люли!
Постелька холодна,
Одѣялишко занидевѣло,
Подушечки потонули во слезахъ.
Вотъ люли люли!
Потонули во слезахъ,
Тебя, другъ мой, дожидаючи,
Вотъ люли люли дожидаючи,
Свою участь проклинаючи!
Вотъ люли люли проклинаючи!
Ужъ ты, участь,
Ты, участь моя!
Вотъ люли люли участь моя!
Вотъ люли люли несчастная!
Ужъ ты, участь горькая несчастная.

II.

Никому такъ не досадно,
Какъ мнѣ горькой сиротѣ;
Съѣла рыбочку живую—
Стрепехнулось въ животѣ.

III.

Посѣяли дѣвки ленъ,
Дѣвки ленъ.
Ходи браво, дѣвки ленъ!
На ту землю на зологъ,
На зологъ.
Ходи браво на зологъ!
Повадился паренекъ, паренекъ.
Ходи браво, паренекъ!
Холостенькій паренекъ, паренекъ.
Ходи браво, паренекъ!

Послѣ этого провожаютъ дружку до дома. Когда ѣдутъ отъ него, коней увѣшиваютъ шалями, платками, а сами рядятся старухами, стариками, коновалами, цыганами. Проѣзжаютъ по улицамъ деревни съ пѣснями, заѣзжаютъ къ жениху съ музыкой, танцуютъ и поютъ:

IV.

Молодка моя молоденькая,
Голова твоя побѣдненькая!
Ой, голова твоя побѣдненькая!
Не съ кѣмъ мнѣ, молодкѣ,

Ношпь—погулять,
Ношпь—погулять,
Ночку ночевать.
Придетъ ночь долга,
Лягу спать одва,
Лягу спать одна,
Безъ мила дружка.
Безъ мила дружка,
Беретъ грусть—тоска,
Грусть-тоска беретъ,
Далеко милый живетъ,
Далеко, далече, на той сторонѣ,
На той сторонѣ,
Не близко ко мнѣ.
Манитъ мой милой,
Правою рукой:
Перэйди, сударушка,
На мою сторонушку!
Рада бы я перешла,
Переходу не нашла,
Переходъ нашла—
Жердочка тонка,
Жердочка тонка,
Рѣчка глубока.
Въ этой рѣчкѣ купался боберъ,
Купался, купался, не выкупался,
На берегъ вошелъ отряхнулся,
Отряхнулся, отмахнулся.
Охотники свищутъ,
Темна бобра ищутъ,
Хочутъ бобричка убить,
Хочутъ застрѣлить
И мнѣ шубочку сошить.
Шубочка боброва—
Ужъ какъ я то черноброва!

V.

Я по жердочкѣ шла,
Я по тоненькой, по еловенькой.
Тоненькая жердочка гнется,
Не ломится—
Съ милымъ дружкомъ жить—
Не ссориться,
Жить не ссориться,
Не размолвиться.

Хоть по мнѣ онъ не тужитъ,
Но я потужу:
На чужой сторонѣ,
Въ чужихъ людяхъ живучи,
Горе мыкаючи,
Слезъ наплакаючи!

19. Переѣздина.

Недѣли черезъ двѣ молодыхъ отпускаютъ въ гости къ роднымъ невѣсты и еще ѣдетъ свекоръ или свекровка,— всего человѣка 4—5 и два дня гуляютъ тамъ. Это называется „переѣздиной". Въ это время берутъ дареный скотъ и ведутъ его съ собой.

М. Овчинниковъ.

ИЗЪ СКИТАНІЙ ПО СЕЛЬСКО-ВРАЧЕБНОЙ ЧАСТИ.

II.

Въ Олекминско-Нюрбинско-Сунтарской пустынѣ.

Въ 1910 году, въ началѣ второй половины мая, я прибылъ въ городъ Олекминскъ на службу сельскимъ врачемъ.

При первомъ знакомствѣ городъ производилъ впечатлѣніе деревни, и при томъ захудалой, вытянувшейся въ двѣ улицы.

Послѣдующее ознакомленіе не уничтожило этого перваго впечатлѣнія, а, напротивъ, подтвердило его въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, если не во всѣхъ безъ исключенія.

Достаточно сказать, что городъ не имѣетъ совершенно коренного населенія въ видѣ мѣщанъ, а обыватели его представляютъ изъ себя всевозможные отбросы пріисковъ, которыми онъ когда то жилъ, и, разумѣется, распутно и винопольно, да навозный элементъ, сдабриваемый посельгой всевозможныхъ видовъ.

Вообще, внѣшній видъ города таковъ, что на недавнихъ годахъ одинъ изъ вицероевъ, подплывая къ пристани его, спрашивалъ исправника:

— Гдѣ же городъ?

Въ лечебномъ отношеніи городъ этотъ вмѣстѣ съ округомъ представляетъ изъ себя вотъ что.

На 1200 человѣкъ жителей города и на пятнадцатитысячное населеніе округа полагается въ годъ на лекарства 180 рублей, на инструменты и перевязочныя принадлежности 50 рублей.

Имѣется больница, заключающая въ себѣ пять кроватей общихъ больныхъ и семь кроватей для сифилитиковъ.

Все это расквартировано въ одномъ помѣщеніи

Палатъ въ лечебницѣ было три, хотя и удовлетворительныхъ по размѣрамъ, но недостаточно оствщенныхъ

Воздухъ лечебницъ былъ, выражаясь мягко, съ «запахомъ»; инвентарь въ неудовлетворительномъ и недостаточномъ состояніи. Стѣны лечебницы были давно не бѣлены.

«Операціонная» лечебницы представляя изъ себя небольшую, недостаточно освѣщенную комнату. Посреди которой стоялъ совсѣмъ не «операціонный столъ», выкрашенный въ темную краску.

Рядомъ съ ней хорошая, свѣтлая комната была занята подъ квартиру фельдшера съ «практиканткой».

Кабинетъ врача отсутствовалъ.

Цейхгаузъ лечебницы помѣщался въ сухой хорошей, свѣтлой комнатѣ, на полу его валялась безъ всякаго порядка и въ достаточно разбитыхъ пакетахъ масса разныхъ травъ и кореньевъ, которыя я, по приведеніи ихъ въ порядокъ, использовалъ потомъ и, вообще, они мнѣ дали хорошую замѣну многаго, недостающаго изъ лекарствъ.

Была особая ванная комната съ дорого стоющимъ (свыше 500 р.) прибором, впослѣдствіи во время моихъ разъѣздовъ испорченнымъ. Въ лечебницѣ не было теплаго ватеръ-клозета.

Отхожее мѣсто было общее, какъ для заразныхъ, такъ и для незаразныхъ больныхъ, и достаточно «благоухало».

На дворѣ лечебницы отсутствовала баня и помойная яма.

Помои, мелкіе отбросы хозяйства, отъ больныхъ разливались и валились, гдѣ попало, по двору. Анатомическій покой представлялъ изъ себя плохонькое помѣщеніе съ сквозно-устроенными окнами, свѣтящимися углами и стѣнами, расколоченными полами, дурно пригнанными дверями и плохой топкой,

Кухня лечебницы и жалкое подобіе прачешной, находившіяся въ одной связи невдалекѣ отъ лечебницъ на дворѣ, представляли изъ себя руины съ разваливающимися топками, небезопасныя въ пожарномъ отношеніи. Вслѣдствіе той же неисправности въ топкѣ, сама лечебница мѣсяца за два до моего пріѣзда едва не сдѣлалась жертвою пламени. Нужно ли говорить, что лечебница никогда не страховалась на случай пожара и самый вопросъ объ этомъ казался Врачебному отдѣленію, по крайней мѣ-

рѣ, неумѣстнымъ, выражаясь высокимъ слогомъ. Подобающимъ этому канцелярскому учрежденію.

Амбулаторія, находившаяся на одномъ дворѣ съ квартирою врача, была произведена въ этотъ годъ изъ ранѣе существовавшей въ ней мелочной лавченки.

Нужно сказать, что лечебница и амбулаторія съ казенной квартирой для врача находятся на границѣ между городомъ Олекминскомъ и скопческимъ Спасскимъ селеніемъ. Амбулаторія лечебницы представляла изъ себя больничную комнату—овальную, въ которой спокойно могли расположиться человѣкъ 15—18 народу, а перевязочная изображала изъ себя комнату въ сажень ширины и полторы.—двѣ въ длину.

На этомъ протяженіи стоялъ большой шкафъ и два небольшихъ сѣрыхъ столика для перевязочныхъ принадлежностей.

Если двое входили въ это помѣщеніе, то третьему уже не было мѣста, не говоря о томъ, что вошедшіе двое, вслѣдствіе тѣсноты, должны были невольно тереться другъ около друга. Стола для перевязки больныхъ отсутствовалъ. Это, конечно, давало представленіе объ асептикѣ и антисептикѣ, царившихъ вообще въ лечебномъ заведеніи при разнаго рода перевязкахъ больныхъ.

Аппаратъ Тухнера для стерилизаціи инструментовъ и перевязочнаго матеріала былъ въ изувѣченномъ состояніи.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что эта маленькая комната была при томъ еще и проходная.

Изъ нея дверь вела въ заднюю прихожую, въ одной половинѣ которой за жалкимъ подобіемъ ширмъ былъ маленькій якобы кабинетъ врача, въ которомъ стояло какое-то барахло, въ видѣ конторки, самый незавидный простой столишка и кушетка для изслѣдованія больныхъ.

Изъ другой половины этой задней прихожей вела открытая дверь безъ полотнищъ, въ пристрой изъ полубровень, состоявшій изъ одной въ два свѣта среднихъ размѣровъ комнаты, въ которой помѣщалась аптека участка.

Въ аптекѣ этой, въ которой недоставало такихъ ходовыхъ лекарствъ, какъ, сода, борная кислота, касторовое масло, въ миломъ хаотическомъ безпорядкѣ были перемѣшаны другъ съ другомъ слабодѣйствующія вещества съ сильнодѣйствующими. Ознакомившись съ содержаніемъ аптеки и приведши ее въ возможный порядокъ вмѣстѣ съ вновь назначеннымъ фельдшеромъ, я долженъ былъ вскорѣ уѣхать на судебно-медицинское вскрытіе въ верхній ко

нецъ участка, верстъ такъ за сто пятьдесятъ, а невдолгѣ спустя по возвращеніи вынужденъ былъ вновь двинуться въ нижній конецъ участка для той же цѣли и на такое же разстояніе.

Все это, конечно, отвлекало меня не только отъ цѣлей врачеванія, но даже и отъ простого хозяйственнаго наблюденія за лечебнымъ заведеніемъ.

Я забылъ упомянуть, что въ февралѣ или мартѣ такъ называемая врачебная инспекція посѣтила проѣздомъ лечебное заведеніе и объ этомъ фактѣ отмѣтила въ книгѣ для подобныхъ ревизій.

Въ періодъ этихъ поѣздокъ я получилъ отъ двигавшагося въ Олекминскъ глазного отряда телеграмму, что онъ прибудетъ въ городъ въ концѣ мая.

По состоявшемуся ранѣе распоряженію областной администраціи я долженъ былъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы устроить, какъ возможно лучше, ожидаемый глазной отрядъ.

Между тѣмъ, та же администрація, а уже про Врачебное отдѣленіе я не говорю, ни единымъ словечкомъ не обмолвилась ни на счетъ инвентаря для будущихъ больныхъ этого отряда (въ коридорѣ лечебницы не было даже самой обыкновенной скамейки, чтобы дать возможность присѣсть ожидающимъ!) ни на счетъ прислуги, ни на счетъ содержанія.

Приходилось пробавляться текущими средствами, а на счетъ прислуги испытывать всевозможныя затрудненія.

Большинство больныхъ бы. и некультурные якуты: многіе изъ нихъ были оперированы на обоихъ вѣкахъ, такъ что нуждались не только въ уходѣ, но даже въ простыхъ поводыряхъ.

Недостатокъ, неудовлетворительность служительскаго персонала въ томъ, а отчасти и полное отсутствіе такового, непріятность, неряшливость, нечистоплотность, небрежность якутовъ, отсутствіе надзора въ лечебницѣ вели къ излишнему расходу какъ пищевыхъ продуктовъ, такъ и къ порчѣ и утратѣ принадлежностей инвентаря.

Въ теченіе пребыванія глазного отряда я еще нѣсколько разъ выѣзжалъ по участку.

Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ глазной отрядъ переѣхалъ въ Якутскъ, а мнѣ пришлось устранять «дефекты» послѣ него опять таки на тотъ же скромный кредитъ, разумѣется, съ большими дефицитами.

Я былъ очень признателенъ глазному отряду, что онъ оставилъ участку сносный операціонный деревянный столъ, который у насъ совершенно отсутствовалъ.

Вы думаете, читатель, что инспекція обратила вниманіе на этотъ дефектъ лечебнаго заведенія, когда соизволила посѣтить его?

Полноте, станетъ она заниматься такими пустяками!

Есть болѣе серьезныя вещи.

Ну, напримѣръ, благовременный учетъ прогоннаго кредита!

Отъ своего предмѣстника я получилъ только долговые документы за содержаніе лечебницы, да тысячу съ небольшимъ рублей на ремонтъ лечебницы, начатый еще въ 1908 году, которыми я и воспользовался въ цѣляхъ возможнаго упорядоченія лечебнаго заведенія.

Составивъ, какъ только представилась возможность, авансовый счетъ на долговую сумму, я тотчасъ же отослалъ его во Врачебное Отдѣленіе Якутскаго областного управленія съ просьбой прислать денегъ на содержаніе лечебницы и амбулаторіи.

Хотя и не во время и не столько, сколько слѣдовало, но все же я получилъ нѣкоторую сумму на это.

За время пребыванія глазного отряда въ лечебницѣ лежало иной разъ по 36 человѣкъ стаціонарныхъ больныхъ, тогда какъ максимальное штатное число больныхъ всего 12 человѣкъ въ мѣсяцъ.

Такое переполненіе лечебницы очень, конечно, тяжело отразилось на ея инвентарѣ, бюджетѣ, составленномъ, какъ я уже упомянулъ, въ разсчетѣ самое большее на 12 человѣкъ.

Приступая къ возможному устраненію дефектовъ вообще лечебницы, а послѣ расквартированія грязныхъ якутовъ въ особенности, пришлось начать съ бѣленки всего помѣщенія, съ открытія всѣхъ оконъ настежъ.

Вслѣдствіе некультурности мѣста, сквернаго служительскаго персонала, неудовлетворительнаго фельдшерскаго персонала, организація этой побѣлки стоила мнѣ многихъ трудовъ и обо всемъ пришлось хлопотать лично самому.

Еще за долго до моего пріѣзда лечебница нуждалась въ капитальномъ ремонтѣ, какъ и казенная квартира врача вмѣстѣ съ амбулаторіей, о чемъ моимъ предмѣстникомъ былъ составленъ въ установленномъ порядкѣ актъ и пред-

ставлень по принадлежности, гдѣ онъ, какъ и слѣдовало ожидать, и былъ погребенъ на вѣки.

Недаромъ же областное начальство иной разъ выражалось про это Отдѣленіе, что это собственно говоря, не Отдѣленіе, а похоронное бюро, между тѣмъ, лечебница, какъ я упомянулъ, уже горѣла: она была единственная на весь огромный Олекминскій округъ; строительный періодъ, вообще краткій здѣсь, уже былъ на половинѣ.

Близилась долгая осень, а за ней еще болѣе длинная и суровая зима.

Поэтому ждать съ ремонтомъ уже было нельзя и на имѣвшуюся сумму я исподтишка и приступилъ къ дѣлу.

Такъ какъ я крайне нуждался въ средствахъ, то не могъ изъ первыхъ рукъ пріобрѣсти строительныхъ матеріаловъ и по этой же причинѣ мнѣ не удалось найти и хорошихъ рабочихъ, которыхъ вообще то трудно найти въ этомъ гибломъ краѣ.

Послѣ побѣлки и возможной чистки лечебницы, въ которой даже не было запаснаго люка для стока мѣста, которое, кромѣ того, еще и протекало, я приступилъ къ частичному ремонту прогорѣвшей крыши, исправилъ крышу на ватеръ-клозетъ, сдѣлалъ два люка, поль ними настлалъ просмоленный изъ, въ самомъ ватерѣ устроилъ новое сидѣнье, выносныя трубы, обилъ полъ желѣзными листами, выкрасилъ: на двери повѣсилъ блокъ, обивъ ихъ кошмой.

Въ виду чистки и ремонта лечебницы пріемъ больныхъ пока былъ пріостановленъ.

Затѣмъ, я приступилъ къ возможному ремонту кухни и прачешной: въ кухнѣ устроилъ подполье, сколотилъ полы, оконопатилъ и промазалъ глиной, сколько было возможно, стѣны и углы, переложилъ печи, плиту, вмазалъ котлы, устроилъ полки, исправилъ окошки, двери и крышу: переложилъ одну печь въ лечебницѣ, подготовилъ одну комнату подъ помѣщеніе для фельдшера.

Ранѣе занимавшаяся для этой цѣли комната была освобождена по случаю перевода квартировавшаго въ ней на службу въ Якутскъ вслѣдъ за глазнымъ отрядомъ.

Во время производства этого ремонта я былъ не одинъ отвлеченъ по служебному и медицинскому объѣзду участка и нужно ли говорить, что мое отсутствіе отразилось на ходѣ работъ.

Пользуясь теплымъ временемъ, я распорядился также открыть и возможно исправить слуховыя окна, которыя, повидимому, давно уже не открывались: нѣкоторыя пришлось отрывать, а для полученія доступа къ другимъ необходимо было продѣлать въ обшивкѣ новыя отверстія, такъ какъ старыя отверстія въ нихъ не соотвѣтствовали уже отверстіямъ въ стѣнахъ.

На всѣ упомянутыя работы, какъ и послѣдующія, которыя будутъ описаны ниже, у меня были акты необходимости производства и осмотра таковыхъ изъ комиссіи въ составѣ меня, исправляющаго должность окружнаго исправника и мѣстнаго городского старосты, та же комиссія опредѣлила и стоимость платежа за работы.

Едва управившись съ этимъ неотложнымъ ремонтомъ и чисткой лечебницы, я перевелъ амбулаторію въ помѣщеніе лечебницы и приступилъ къ ремонту и возможному переустройству невозможной амбулаторіи, чтобы превратить ее въ нѣчто, похожее на это названіе безъ сквернаго прилагательнаго.

Для этой цѣли я изъ жилой сдѣлалъ пріемную, отдѣливъ ее глухой перегородкой съ дверью отъ перевязочной, которую я превратилъ въ жилую. Убравъ изъ нея шкафъ со столиками и прорубивъ изъ окна дверь.

Въ бывшей жилой, теперь перевязочной, я заставилъ дверь, прорубилъ для большаго свѣта еще одно окно и дверь, которая вела теперь въ якобы кабинетъ врача, отдѣливъ ее послѣдній отъ задней прихожей глухой досчатой съ дверью перегородкой, вмѣсто которой раньше стояла, какъ я уже упоминалъ, никуда негодная ширма въ полтора аршина, обтянутая какимъ то ситчикомъ.

Такимъ образомъ у меня явился куда свѣтлѣе прежняго, якобы кабинетъ и сносная перевязочная.

Посрединѣ этой перевязочной стоялъ столъ для необходимыхъ ежедневныхъ амбулаторныхъ манипуляцій, заказанный тоже мною и раньше отсутствовавшій, какъ я уже говорилъ.

Явилась вмѣстѣ съ тѣмъ возможность поставить два небольшихъ столика для лечебныхъ принадлежностей и устроить ирригаторъ Эсмарха для гинекологическихъ цѣлей.

Полы были окрашены въ желтый цвѣтъ, а окна, колоды, шкафы и столы въ бѣлый.

Изъ задней прихожей въ аптеку я сдѣлалъ сквозныя двери съ небольшимъ отверстіемъ, какъ въ кассахъ, съ тою цѣлью, чтобы въ аптеку не лѣзъ никто изъ постороннихъ и не мѣшалъ исполнять рецепты слабому низшему медицинскому персоналу, и безъ того постоянно дѣлающему промахи при изготовленіи даже и самыхъ обыденныхъ, несложныхъ лекарствъ. На входныя и выходныя двери навѣсилъ блоки: переложилъ дымящія печи, установилъ въ аптекѣ перегонный аппаратъ для воды, пріобрѣлъ въ амбулаторію и лечебницу для освѣщенія вмѣсто ранѣе бывшихъ, да и то въ недостаточномъ количествѣ пяти и семилинеекъ коптилокъ,—лампы, дававшія достаточно свѣта при отсутствіи дыма; завелъ жестяные круглые умывальники, эмалированные тазы, ведра для воды, льду и отбросовъ, устроилъ плиту для приготовленія лекарствъ, приспособленіе для постановки самовара, набилъ листы желѣзные передъ топочными отверстіями, въ одной изъ печей сдѣлалъ вентиляторъ; подшилъ потолки, съ которыхъ сыпалась земля.

Передѣлалъ входное крыльцо, сообразно видоизмѣненному размѣщенію комнатъ; проконопатилъ снаружи стѣны амбулаторіи, обнесъ ее завалинами, исправилъ мѣстами наружную огородку усадьбы амбулаторіи и казенной квартиры врача, отремонтировалъ на улицѣ ведшій къ усадьбѣ полуразваливавшійся мостикъ; послѣднее я сдѣлалъ уже по требованію сельскаго управленія; исправилъ также огородку небольшого палисадника передъ усадьбой.

Устроилъ во дворѣ амбулаторіи отсутствовавшую ранѣе помойную яму изъ кирпичей.

Вслѣдствіе этого отбросы изъ аптеки, хозяйства не стали валиться, куда попало, и даже на улицу.

Перемазалъ и вставилъ въ амбулаторіи, казенной квартирѣ врача, въ лечебницѣ болѣе семисотъ оконныхъ стеколъ; отремонтировалъ казенные самовары, изъ которыхъ у многихъ были оторваны ручки, а у другихъ даже и трубы съ рѣшетками.

Въ аптекѣ устроилъ и выкрасилъ въ бѣлый цвѣтъ форменный столъ съ ящиками и вѣсами тарирными, за которымъ могли работать, не мѣшая другъ другу и имѣя необходимое подъ руками, четверо лицъ.

Пріобрѣлъ на пожертвованныя суммы кое-какой самый необходимый аптечный инвентарь, вродѣ, напримѣръ, большихъ и малыхъ вѣсовъ, разновѣса, посуды принадлежности для ухода за больными, вродѣ клизеномнъ, ни-

петокъ, глазныхъ ванночекъ, кружекъ Эсмарха, термометровъ и прочаго такого.

Пріобрѣлъ вмѣсто клоповниковъ нѣсколько желѣзныхъ кроватей для лечебницы.

Перенесъ амбаръ изъ усадьбы врача, гдѣ онъ былъ совершенно лишній, въ усадьбу лечебницы, гдѣ въ немъ ощущалась крайняя нужда; туда же перенесъ ненужную для квартиры врача и, кромѣ того, загораживавшую свѣтъ кладовку съ тою цѣлью, чтобы въ одной половинѣ амбара устроить складъ припасовъ и погребъ для льда и мяса, а въ другой—цейхгаузъ; а въ кладовкѣ цейхгаузъ для собственныхъ вещей больныхъ; поставилъ фонарь во дворѣ лечебницы между нею и кухней.

Устроилъ помойную яму съ навѣсомъ во дворѣ лечебницы, предварительно убравъ зараженную землю изъ старой заброшенной земляной помойной ямы, утрамбовавъ полъ и стѣны устраиваемой достаточно толстымъ слоемъ глины, деревянныя стѣны ея, предварительно кладки, хорошо просмолилъ, а затѣмъ, послѣ кладки плотно проконопатилъ и опять основательно просмолилъ, сдѣлалъ надъ ней глухой настилъ, какъ и въ помойной ямѣ во дворѣ амбулаторіи, съ рѣшеткой и трубой.

Переложилъ двѣ опасныя въ пожарномъ отношеніи печи въ лечебницѣ, въ казенной квартирѣ врача, гдѣ также въ одной изъ темныхъ комнатъ прорубилъ еще одно окно.

Обилъ кошмой двери въ амбулаторіи и заднія въ лечебницѣ.

Приступилъ даже къ устройству теплаго ватеръ-клозета въ видѣ шкафа при казенной квартирѣ врача, гдѣ даже и холодный то отсутствовалъ, а вмѣсто него была какая-то загородка на дворѣ.

Какъ я слышалъ потомъ, такъ называемая врачебная инспекція подавала на меня докладъ областному начальству за начальное осуществленіе подобной продерзостной постройки, представляя о необходимости отнести это недоведенное даже и до конца устройство на мой личный счетъ.

Этотъ докладъ, какъ мнѣ передавало лицо, читавшее это произведеніе, былъ представленъ начальству, какъ ревизіонная записка. Очень я искалъ потомъ этотъ докладъ, но, повидимому, съ нимъ не согласилось даже и областное начальство и онъ дальше квартиры послѣдняго никуда не двинулся.

Очень я сожалѣю объ этомъ, такъ какъ это былъ очень цѣнный вкладъ въ ревизіонную работу мѣстной врачебной инспекціи.

Далѣе долженъ сказать, что окопопатилъ снаружи баню во дворѣ казенной квартиры врача, переложилъ тамъ печь, настлалъ новые полы, устроилъ стокъ изъ бани для воды, такъ какъ ранѣе вся мыльная вода оставалась надолго въ видѣ лужи на банномъ полу и мывшимся въ банѣ приходилось поневолѣ бродить въ ней по щиколотку, а иной разъ и выше.

Подготовилъ мѣсто и огородилъ его для садика во дворѣ амбулаторіи; очистилъ отъ навоза и разнаго мусора дворы амбулаторіи и лечебницы, сравнялъ ихъ возможно, исправилъ частоколъ и расширилъ мѣсто огорода на дворѣ лечебницы, а также подготовилъ часть двора лечебницы для будущаго сада.

Наступала уже глубокая осень и съ устройствомъ садовъ пришлось дѣло отложить. Навѣсилъ ставни и желѣзные запоры на окна амбулаторіи, въ которой никто не жилъ, и на окна кухни казенной квартиры врача.

Исправилъ возможно парадное крыльцо при казенной квартирѣ врача, представлявшее уже опастность для ногъ проходившихъ.

На ремонтъ я истратилъ, кромѣ казенной тысячи, еще изъ своихъ средствъ свыше пятисотъ рублей.

Нужно ли говорить, что я испыталъ при этомъ ремонтѣ массу разныхъ затрудненій и всяческихъ осложненій, если принять во вниманіе, какъ смотритъ публика вообще на казенныя деньги и какъ она относится къ вашему стремленію возможно сберечь чужія деньги и избѣжать напрасныхъ переплатъ.

Я бы могъ, разумѣется, избѣгнуть этого ремонта и предоставить дѣлу лечебнаго заведенія идти такъ, какъ оно шло и было обставлено до меня: но мнѣ, какъ врачу, казалось стыдно отказывать больнымъ въ подачѣ хотя возможной, по мѣстнымъ условіямъ, помощи и въ то же время завѣдывать такимъ лечебнымъ заведеніемъ, которое по своей обстановкѣ не отвѣчало даже и самымъ примитивнымъ обывательскимъ требованіямъ чистоты и благопристойности: «Впослѣдствіи времени» я испыталъ еще горшія недоразумѣнія, какъ увидитъ читатель потомъ.

Я не сказалъ еще, что, пользуясь прибытіемъ паузковъ, я возможно обновилъ инвентарь лечебницы въ смыслѣ бѣлья, одежды, обуви, постельныхъ принадлежностей, ха-

латей для медицинскаго персонала, полотенецъ для хозяйства и аптеки, посуды, чайной и обѣденной; и пріобрѣлъ кое что изъ продуктовъ про запасъ.

Конечно, на все это я расходовалъ скромно уже просто потому одному, что мало имѣлъ для этого денегъ, и гнался лишь за самымъ необходимымъ, безъ чего нельзя было жить, хотя бы сколько нибудь соотвѣтственно лечебнымъ требованіямъ.

Въ виду недостатка казеннаго ассигнованія на лечебныя средства давали еще субсидію по 50 рублей каждое въ годъ Нохтуйское и Олекминско-Амгинское Волостныя правленія.

Затѣмъ, они же содержали, т. е. давали на квартиру, отопленіе и освѣщеніе для двухъ фельдшерскихъ пунктовъ,

Кромѣ того, вскорѣ по пріѣздѣ, я еще исхлопоталъ отъ города субсидію въ сто рублей въ годъ на покупку лекарствъ.

Благодаря этому, и явилась возможность пріобрѣсти кое-что для аптеки и лечебницы. Сталкиваясь съ поселыгой на почвѣ лѣченія, я очень часто, если не всегда, убѣждался, что она не столько нуждается въ леченіи, сколько въ призрѣніи.

Зналъ я также, что для призрѣнія этого никуда негоднаго преступнаго элемента имѣется въ Хатынъ-Аринѣ богадѣльня; не менѣе того мнѣ было извѣстно, что пока полиція догадается отправить туда, пройдетъ очень и очень значительный промежутокъ времени; а между тѣмъ, принять въ больницу такого хроника, безусловно грязнаго, если не сегодняшняго, то вчерашняго пьянчужку нечистоплотнаго, это значило, во 1-хъ, образовать изъ больницы (а ихъ бывало много!) богадѣльню для призрѣнія даже и не правоспособнаго труженика, а преступнаго элемента; во 2-хъ, отказать въ пріемѣ острому больному, правоспособному, ничѣмъ судомъ неопороченному, плательщику земскихъ сборовъ, на счетъ которыхъ и содержится лечебница, кормильцу, поильцу семьи, какъ бы то ни было; въ 3-хъ, такими неряшливыми больными, ходящими иной разъ даже и подъ себя, значило въ конецъ запакостить только что приведенную въ возможно сносный видъ лечебницу, которая зачастую встрѣчала затрудненіе даже въ мытьѣ половъ и стиркѣ бѣлья при помощи, не говоримъ, постоянной прислуги, а поденщицъ, и въ которой бывали случаи неотложныхъ операцій.

Разумѣется, присутствіе подобныхъ богадѣльщиковъ только портило и безъ того незначительную благопристойность лечебнаго заведенія.

Въ силу инструкціи по сельсковрачебной части, утвержденной 20 ноября 1903 года Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ (2-е примѣчаніе къ 7 параграфу), больные съ хроническими неизлѣчимыми болѣзнями, пребываніе которыхъ въ лечебницѣ не можетъ принести имъ никакой пользы, передаются волостному правленію для призрѣнія ихъ родственниками или обществомъ. Не находя также возможнымъ предоставлять такихъ хрониковъ произволу полиціи, я и предложилъ мѣстному обществу организовать въ Олекминскѣ благотворительное общество, въ обязанность котораго входило бы временное призрѣніе подобнаго рода никуда негоднаго элемента въ теченіе того промежутка времени, когда нельзя отправить въ Хатынъ-Аринскую богадѣльню. Послѣ долгихъ усилій удалось составить изъ служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ собраніе, выработать на немъ уставъ и представить таковой на утвержденіе въ городъ Якутскъ, гдѣ онъ загибъ, конечно. Представители города, занятые разными сомнительнаго свойства керосиновыми операціями наотпоръ отказались отъ какого бы то ни было участія въ этомъ дѣлѣ.

Торгующіе отказались отъ этого молчаливо. Оговариваюсь, впрочемъ, что не всѣ, однако, представители правительственныхъ учрежденій выразили согласіе на участіе проектируемомъ благотворительномъ обществѣ.

Особенное противодѣйствіе этому я встрѣтилъ со стороны мѣстнаго благочиннаго, малолѣтняго сына котораго я вырвалъ въ свое время изъ рукъ смерти.

Онъ очень остался недоволенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что я не поѣхалъ по его вызову за пятьдесятъ слишкомъ верстъ къ одному больному подъ сомнѣніемъ, который, какъ истерикъ, при малѣйшей ангинѣ думалъ, что онъ уже началъ дышать на такъ называемый ладонъ. Не принялъ въ лечебницу по протежэ — сторожа изъ училища, поселенца-хроника, настолько непорядочнаго, что онъ ходилъ, вслѣдствіе неряшливости, подъ себя, и не желалъ лечиться, несмотря на повтореніе, такъ, какъ ему было посовѣтовано, принявъ во вниманіе его обстановку, при выдачѣ лекарствъ. Оказывалъ медицинскую помощь вонимой имъ учительницѣ церковноприходской школы.

Кромѣ того, просьба этого благочинпаго о поѣздкѣ къ моему тяжелому больному какъ разъ совпала съ тѣмъ періодомъ времени, когда у меня въ лечебницѣ лежалъ тяжело больной, оперированный, который мнѣ все угрожалъ необходимостью дальнѣйшей операціи, такъ что я не имѣлъ возможности даже и фельдшера командировать.

Я не категорически отказался выполнить просьбу протоіерея, а указалъ ему подробно, по какимъ именно причинамъ я лишенъ возможности выполнить его просьбу.

При этомъ я сослался на инструкцію по сельско-врачебной части, въ силу 19 параграфа которой врачъ обязанъ выѣзжать въ селенія своего участка только въ трехъ случаяхъ, а именно для подачи помощи при острыхъ отравленіяхъ, травматическихъ поврежденіяхъ и трудныхъ неправильныхъ родахъ.

Во всѣхъ этихъ осложненіяхъ виновата прежде и главнѣе всего врачебная инспекція, а за ней областное начальство, которымъ, разумѣется, прекрасно извѣстенъ этотъ параграфъ.

Казалось бы, прямой долгъ ихъ разъяснить это обстоятельство населенію; но они вмѣсто этого принимаютъ неосновательныя жалобы на врачей и тѣмъ плодятъ только бумагомараніе.

Пользуясь такимъ отношеніемъ къ дѣлу областной администраціи, мелкіе земскіе «дѣятели» довели дѣло даже до того, что стали давать предписанія сельскимъ врачамъ о посѣщеніяхъ и выѣздахъ къ больнымъ.

Разумѣется, они взяли на себя эту комиссію не изъ платоническихъ соображеній.

Хорошо, что въ этотъ періодъ стояла временно во главѣ областнаго врачебнаго олимпа, не чернильная душа, а сельскій врачъ, который, быть можетъ, не очень любитъ все это испытывать на своей спинѣ.

Благодаря ему, было разъяснено въ 1907 году земскимъ «дѣятелямъ», что подобныя комиссіи не относятся къ ихъ обязанностямъ.

Нужно ли говорить, что все это, какъ хорошее, очень скоро забылось и снова полетѣли обличительные доносы на врачей.

Такъ и въ данномъ случаѣ: батюшка сталъ мнѣ вредить вплоть до формальнаго доноса на меня, который я, конечно, своимъ фактическимъ объясненіемъ разбилъ въ пухъ и прахъ.

И напрасно пророка о тѣни я молилъ, когда неоднократно просилъ эту врачебную инспекцію подтвердить еще разъ населенію, въ какихъ случаяхъ обязанъ выѣзжать врачъ въ селенія своего участка.

Администрація не считала даже нужнымъ объявлять фискаламъ, что доносы ихъ она оставила безъ послѣдствій.

Съ мѣстной администраціей было у меня много поводовъ законныхъ къ столкновеніямъ, ну, хотя бы изъ-за своевременной отправки поселенцевъ-хрониковъ въ Хатынь-Аринскую богадѣльню, изъ-за мѣстнаго арестнаго дома, никуда негоднаго по своему устройству, леченіе обитателей коего она желала отнести на тѣ же жалкіе 480 рублей изъ земскихъ сборовъ.

Сколько я не писалъ этой администраціи, посѣщая иной разъ обитателей этого мертваго дома, о необходимости завести хотя бы котелъ для варки пищи, такъ ничего и не добился.

А доносы между тѣмъ на меня сыпались, какъ изъ рога изобилія.

И только циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, подоспѣвшій къ тому времени, о томъ, что даже городовые врачи не обязаны быть тюремными врачами, разъ нѣтъ съ ними договорныхъ отношеній, не далъ возможности администраціи расплодить переписку объ этомъ вплоть до привлеченія меня къ отвѣтственности за то, что не лежало на моей обязанности. Также недовольны были мной и доносили на меня нѣкоторые изъ чиновниковъ за то, что я не приравнивалъ ихъ относительно леченія къ сельскимъ обывателямъ, пользующимся безплатно.

Не очень то пріятно было мѣстной администраціи и присутствіе мое во время призыва, который сошелъ настолько гладко, что не было никакихъ жалобъ на неправильный пріемъ новобранцевъ.

Ну, словомъ, я становился костью въ горлѣ.

Занятый упорядоченіемъ больничнаго дѣла, ремонтомъ, частыми разъѣздами по участку, леченіемъ стаціонарныхъ и амбулаторныхъ больныхъ, будучи убѣжденнымъ противникомъ зеленаго змія и зеленаго поля, я не имѣлъ, конечно, возможности на выходы и пріемы.

И это, разумѣется, подливало масла въ огонь.

Такъ какъ я, устроивъ своихъ подчиненныхъ на казенныхъ квартирахъ, и предоставляя имъ возможныя льготы, напримѣръ, въ видѣ очереднаго дежурства по праздникамъ, требовалъ отъ нихъ при этомъ труда, то въ результатѣ одинъ изъ фельдшеровъ-инородцевъ донесъ на меня, а другой, хотя и чистокровный русскій, но завзятый алкоголикъ, вмѣстѣ съ своей дражайшей половиной, истероэпилептичкой, выскакившей послѣ домашнихъ сценъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ на дворъ лечебницы въ трескучій морозъ и тамъ вопившей до того, что мужья женъ, лежавшихъ въ лечебницѣ въ тифу, выбѣгали на дворъ, думая не

ихъ ли супруги въ бреду собѣжали на улицу: фискалить на меня изъ-подъ тиха и прячась за чужую спину.

Конечно, я разбилъ своими фактическими объясненіями и этотъ въ числѣ прочихъ доносъ.

Все это вмѣстѣ взятое такъ мнѣ омерзѣло, что я, давъ фактическія объясненія на жалобы, оставленныя разумѣется, потомъ безъ всякихъ послѣдствій, не далъ даже себѣ труда хлопотать о возстановленіи своей репутаціи въ опроверженіе явныхъ и тайныхъ на меня фискаловъ, что сразу же воспользовался предложеніемъ областного начальства, которое проѣзжало въ это время городъ Олекминскъ, перейти на должность командировочнаго врача тѣмъ болѣе, что это начальство заявило мнѣ, что жить я буду въ областномъ городѣ Якутскѣ, а командировки будутъ недолгія и что самая продолжительная будетъ въ городъ Вилюйскъ для замѣщенія должности участковаго врача, уходящаго въ четырехмѣсячный отпускъ. Въ Вилюйскѣ имѣлась казенная квартира для врача, лечебница, амбулаторія и заразный баракъ.

Впредь до отъѣзда въ Вилюйскъ я былъ прикомандированъ и занимался въ Якутской городской больницѣ, гдѣ съ товарищами Плесскими провелъ очень продуктивно въ смыслѣ работы время.

Однако, врачебный инспекторъ и его помощникъ судили мнѣ иное. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому повѣствованію, я долженъ сказать, что, еще будучи въ городѣ Олекминскѣ въ октябрѣ (?) или ноябрѣ 1910 года, я далъ врачебному отдѣленію объясненіе о причинахъ перерасхода на содержаніе лечебницы, вызванныхъ чрезмѣрнымъ переполненіемъ больницы глазными больными и необходимостью неотложнаго ремонта помѣщеній ея о чемъ, какъ я уже упоминалъ, былъ составленъ въ установленномъ порядкѣ актъ еще моимъ предмѣстникомъ до прибытія моего въ городъ Олекминскъ. Кромѣ того, по прибытіи въ Якутскъ я составилъ счетъ съ оправдательными документами въ расходѣ денегъ на ремонтъ Олекминской лечебницы и подалъ о возвратѣ мнѣ по нему денегъ. Многое мнѣ пришлось при этомъ вольно и невольно переслушать, а еще болѣе неопредѣленно долго пришлось ждать, пока удалось вырвать изъ желѣзныхъ канцелярскихъ объятій это дѣло и направить его хотя въ иркутскую контрольную палату на заключеніе. Сколько я, какъ бы предвкушая всю сладость предстоявшей командировки, не отбоярнивался, ссылаясь прямо областному начальству и за глаза на него, что мнѣ уже предрѣшенъ первый врачебный участокъ Вилюйскаго округа, «товарищи» эти все-таки запихали меня въ эту трущобу заштатныя, именуемую вторымъ врачебнымъ

участкомъ Вилюйскаго округа и откуда уже бѣжалъ въ свое время, куда, какъ говорится, глаза глядятъ, одинъ изъ моихъ предмѣстниковъ врачъ Н. А. Поповъ, авторъ очень интересной брошюры «О якутахъ, ихъ образъ жизни, питаніи и болѣзняхъ», цѣнными наблюденіями котораго я пользовался при составленіи моего очерка: «Якутскіе врачебные участки и ихъ внѣшняя среда за 1909 годъ», помѣщеннаго въ 6 нумерѣ «Сибирскаго Архива» за 1912 годъ. Что произошло изъ этой товарищеской услуги, читатель узнаетъ изъ нижеслѣдующихъ строкъ, гдѣ я разскажу эпизодъ изъ своей скитальческой жизни, какъ я изъ огня, да попалъ въ полымя.

Такъ то!

21 іюня 1911 года я прибылъ на пароходѣ «Алданъ», собственно говоря, на его баржѣ, представлявшей изъ себя утлую скорлупу, въ Нюрбу.

Было два часа утра, когда пароходъ присталъ къ высокому, унылому, пустынному берегу рѣки Вилюя, за которымъ скрывалось село Нюрба, резиденція 2-го врачебнаго участка Вилюйскаго округа

Такъ какъ появленіе парохода во всякомъ дикомъ краѣ, а такомъ, какъ вилюйскій въ особенности, производитъ нѣкоторую сенсацію, особенно первый приходъ, то я встрѣтился на палубѣ парохода съ мѣстнымъ засѣдателемъ, улуснымъ головою и письмоводителемъ мархинской инородной управы, которая тоже была расквартирована въ Нюрбинскомъ селеніи, носившемъ названіе села не по количеству населенія, а только потому, что тамъ была небольшая деревянная церковь.

Пока выгрузили вещи, ящики съ лекарствами, подали подводу изъ двухъ быковъ, времени прошло достаточно и уже [illegible]

Пароходъ далъ свистокъ и сталъ отчаливать, а я, сойдя на берегъ, сталъ остро чувствовать, какъ съ отходомъ парохода порывается моя послѣдняя связь съ намеками на нѣкое подобіе культурной жизни.

Ступивъ ногой на этотъ негостепріимный берегъ, я уже началъ чувствовать, что я нахожусь во власти пустыни и дальнѣйшее, къ сожалѣнію, только подтверждало это. Прежде всего возникъ вопросъ, гдѣ же я долженъ расквартироваться?

На берегу ли подъ лодкой, которой, кстати сказать, у меня и не было, или въ какомъ другомъ мѣстѣ?

Пришлось пока остановиться на подобіи земской квартиры при инородной управѣ, невозможной уже потому, что это была управа якутовъ.

Заѣдатель долго пререкался съ улусным головой, почему онъ не распорядился приготовить къ моему пріѣзду квартиру въ той хибаркѣ, бывшей на дворѣ инородной управы, гдѣ мѣсяца два—три тому назадъ производили вскрытіе двухъ несчастныхъ, погибшихъ при ограбленіи инородной управы, организованномъ однимъ изъ представителей мѣстной политической шпаны.

Какъ потомъ оказалось, зданіе это предназначено было уже заранѣе письмоводителемъ инородной управы для расквартированія въ немъ одного изъ его родственниковъ.

И, разумѣется, при этомъ не встрѣтилось никакихъ препятствій къ подготовкѣ его для жилья.

А зданіе это было единственное въ Нюрбѣ: чтобы какъ-нибудь найти выходъ изъ невозможнаго квартирнаго вопроса, заѣдатель порекомендовалъ мнѣ переселиться за двѣ версты отъ Нюрбы въ деревню Антоновскую, гдѣ случайно имѣлся свободнымъ одинъ домикъ, въ видѣ крестьянской избы, пріобрѣтенной однимъ товарищемъ съ публичныхъ торговъ на сносъ.

Помѣщеніе оказалось состоящимъ всего на всего изъ комнаты и кухни, достаточно грязнымъ, темнымъ; но чтобы не быть расквартированнымъ на версту отъ Вилюя даже и не подъ лодкой, пришлось примириться съ предложеннымъ помѣщеніемъ и переселиться въ Антоновское, тѣмъ болѣе, что владѣлецъ дома, о желаніи арендовать который ему, по распоряженію заѣдателя, было сообщено въ то же утро, изъявилъ свое согласіе, взявъ за эту хибарку только десять рублей въ мѣсяцъ, разумѣется, это только для доктора. Нюрба представляла изъ себя всего на всего семь или восемь домишекъ, занятыхъ торговцами и разбросанныхъ по обычаю дикарей на десятки, а то и сотни саженъ другъ отъ друга.

Такъ какъ въ новой квартирѣ рѣшительно не на чемъ было сидѣть, то я взялъ изъ инородной управы одинъ столъ и два стула и переѣхалъ въ Антоновское.

Кровати и хозяйство небольшое были у меня привезены изъ Якутска на пароходѣ. Мнѣ еще по отъѣздѣ было извѣстно, что въ этой пустынѣ во всякое время и въ любомъ количествѣ можно было достать только водки и ничего болѣе.

Антоновская деревня представляла изъ себя бѣднѣйшее скопческое поселеніе и пока жили тамъ скопцы не нынѣшніе, думающіе только о трудѣ, какъ основѣ всякаго благосостоянія, она, конечно, процвѣтала и въ смыслѣ хозяйственной благоустроенности представляла изъ себя оазисъ среди этой пустыни дикарей, гдѣ въ воздухѣ никогда, разумѣется, не пахло сивухой, этимъ излюбленнымъ на-

ниткомъ россійскаго обывателя всякихъ чиновъ, званій и профессій.

Но какъ только явилась возможность обитателямъ ея двинуться въ другое болѣе культурное мѣсто, когда они получили право переселенія, то они, разумѣется, одинъ за другимъ стали покидать ее и къ моему пріѣзду отъ этихъ тружениковъ и ихъ полезныхъ начинаній не осталось уже и слѣда и вотъ почему.

Благопекущаяся администрація, вмѣсто того, чтобы сначала подумать, а затѣмъ сдѣлать, поступила по своему обыкновенію наоборотъ: съ начала сдѣлала, а потомъ стала задаваться мыслью, что она сотворила.

Она переселила вмѣсто тружениковъ-пьяницъ, предоставила имъ въ премію даровой проѣздъ, обработанныя земли, благоустроенныя усадьбы, нѣкоторую сумму денегъ на домообзаводство и мечтала, что деревня процвѣтетъ аки кринъ сельній; но въ конечномъ результатѣ оказалось, что въ поселеніи, въ которомъ ранѣе и духу водочнаго не ощущали, почти въ каждомъ домѣ была открыта виноторговля и прочія такія прелести.

Какъ будто администраціи было мало, что каждый якутъ есть дѣятельнѣйшій пожизненный труженикъ и работникъ на винополію.

Одинъ изъ фруктовъ этого переселенія принялъ дѣятельное участіе въ ограбленіи и убійствѣ, имѣвшемъ мѣсто въ 1910 году въ Мархинской инородной управѣ, и когда для надобностей слѣдственной власти явилась необходимость собрать свѣдѣнія о прошломъ убійцы и грабителя, то мѣстное сельское или волостное правленіе, откуда они переселились, еще до суда и слѣдствія категорически заявило, что оно отказывается, послѣ суда и наказанія, принять ихъ обратно въ свою среду.

Казалось бы, что проще вмѣсто того, чтобы наполнить край пьяницами, которыхъ и безъ того хоть отбавляй, спросить бы на мѣстѣ, что изъ себя представляютъ эти двуногіе, желавшіе переселиться и давно еще на мѣстѣ своего жительства потерявшіе на вѣки даже и намеки на «обывательщину».

При этомъ не были бы по пусту и совершенно зря брошены казенныя деньги, о сбереженіи которыхъ такъ любитъ разговоры разговаривать мѣстная администрація.

На участкѣ не было лечебницы, казенной квартиры врача; послѣдняя была кѣмъ то спалена уже давненько.

Разсказываютъ, что ее не занятую ни кѣмъ сначала обокрали, а затѣмъ, чтобы скрыть слѣды кражи, подожгли.

Для пріема больныхъ существовала лишь амбулаторія

Если плоха была Олекминская амбулаторія, то Нюрбинская была уже изъ рукъ вонъ.

Амбулаторія эта, если мыслимо ее такъ назвать, помѣщалась въ наемномъ домишкѣ, построенномъ изъ полубревенъ.

Вмѣсто ватера была какая то загородка на дворѣ.

Про усадебное мѣсто можно было только выразиться, что тамъ не было ни кола, ни двора.

Стѣны и углы амбулаторіи свѣтились.

По стѣнамъ амбулаторіи и по всему, что въ ней находилось, не исключая лекарствъ, перевязочныхъ матеріаловъ, инструментовъ, мало того, что лежалъ густой слой вяческой скверной пыли и грязи, бродили еще въ довершеніе всей прелести стада таракановъ разныхъ возрастовъ, а также вездѣ были разбросаны и оболочки ихъ яицъ.

Разумѣется, все это объяснялось неусыпнымъ стремленіемъ низшаго инородческаго медицинскаго персонала поддержать чистоту.

Стерилизаторъ отсутствовалъ; перегонный кубъ для воды былъ испорченъ.

Вообще вся обстановка была никуда негодна, даже въ смыслѣ обывательскомъ.

Насчетъ принадлежностей для ухода за больными слѣдуетъ замѣтить, что клизопомпъ былъ единственный для всѣхъ нуждъ, а марли было очень ограниченное число аршинъ.

Нельзя было ожидать ничего, кромѣ худшаго, и единственное желаніе, которое явилось у меня сразу же при видѣ этой невозможной обстановки и такого же персонала, —это—бѣжать и, какъ можно, скорѣе отсюда.

Такую неряшливость и грязь я рѣдко видывалъ даже въ плохонькихъ крестьянскихъ хибаркахъ.

Но не такъ то скоро удалось исчезнуть изъ Нюрбы. Къ характеристикѣ нюрбинскихъ обывателей слѣдуетъ еще привести такой фактецъ: мѣстный церковный староста открылъ подъ старой колокольней оптовый винный складъ, который и функціонировалъ, пока староста ублажалъ своихъ потребителей, но затѣмъ кто то изъ нихъ поссорился съ нимъ и въ результатѣ у мирового судьи возникло дѣло о привлеченіи къ отвѣтственности за безпатентную торговлю виномъ.

Недаромъ докторъ И. А. Поповъ называлъ резиденцію этого участка въ своей брошюрѣ «дырой.».

Администрація желала еще возложить на мои плечи постройку хозяйственнымъ способомъ лечебницы въ Нюрбѣ: но памятуя опытъ строительства въ Олекминскѣ, все же при здѣшнемъ городѣ, гдѣ кое-что можно достать, я

зная, что въ Нюрбѣ не добудешь ничего кромѣ водки, я постарался отказаться отъ этой комиссіи. Затѣмъ, начались судебно-медицинскіе разъѣзды по таежно-лосино-медвѣжьимъ тропамъ верстъ такъ на двѣсти, на триста слишкомъ, гдѣ на каждомъ шагу приходилось рисковать жизнью и даже неизвѣстно, для чего и зачѣмъ.

Нужно ли говорить, что представители судебной власти, крупные чины областной адмминистраціи, о которыхъ давно уже было сказано: и аггеламъ своимъ заповѣдуютъ, да не преткнется нога ихъ о камень! всегда принаравливали свои служебные разъѣзды и при томъ только по тракту къ зимнему пути или къ пароходу, въ остальное время года никто изъ нихъ не ѣздилъ.

Ну, а участковый сельскій врачъ могъ производить свои разъѣзды при всякихъ данныхъ условіяхъ.

Отъ Якутска до Вилюйска еще есть намеки на нѣкоторое подобіе станціонныхъ домовъ, да и тѣ якуты превратили, какъ гласятъ на стѣнахъ ихъ губернаторскія объявленія, въ игорныя и винопольныя помѣщенія. А отъ Вилюйска до Сунтарскаго села по тракту имѣются лишь «хотоны», по просту говоря, хлѣва, въ оконныхъ отверстіяхъ которыхъ вставлены въ большинствѣ случаевъ вмѣсто стеколъ льдины, а въ сторону отъ такъ называемаго тракта и еще хуже: тамъ уже приходится помѣщаться, чтобы не замерзнуть, вмѣстѣ съ скотомъ.

Когда-то вилюйская администрація задавалась цѣлью устроить по округу телѣжный путь; многое сдѣлала къ осуществленію этого; но преемники, повидимому больше думали о легосенькой данынѣ, и въ большинствѣ случаевъ благія начинанія своихъ предмѣстниковъ свели на нѣтъ.

Служба на такомъ участкѣ среди якутовъ была одной только каторгой.

Мало того, мы два мѣсяца были отрѣзаны и во время даже навигаціи отъ всего міра: телеграфа тамъ нѣтъ.

Дѣло въ томъ, что по контракту пароходъ можетъ по мнимому или дѣйствительному мелководію и не совершить всѣхъ почтовыхъ рейсовъ.

Можно было бы, конечно, направить почту обычнымъ путемъ, какъ она идетъ въ распутицу и зимой, удержавъ при разсчетѣ съ контрагента, что слѣдуетъ.

Но кому какое дѣло до интересовъ корреспондентовъ почтово-телеграфнаго вѣдомства; вѣдь все они уже заранѣе оплатили; придетъ время, когда-нибудь и получатъ!

Куда спѣшить!

Вѣдь, поспѣшность нужна только при ловлѣ извѣстныхъ насѣкомыхъ, да при взиманіи «даныни».

Разскажу одинъ эпизодъ изъ судебно-медицинскихъ разъѣздовъ.

Въ началѣ ноября, а раньше туда попасть нельзя, мнѣ предстояло съѣздить на судебно-медицинское вскрытіе въ предѣлы за мегежекскіе, такъ верстъ за двѣсти слишкомъ отъ Нюрбы. Вмѣсто дороги были замершія болота съ едва прикрытыми снѣгомъ кочками.

Двигаясь по такому «пути», мы испытывали съ фельдшеромъ тѣ же пертурбаціи, что и телята, когда ихъ везутъ привязанными въ телегахъ на базаръ.

Въ передній путь мы ѣхали съ засѣдателемъ и казакомъ (оба, кстати сказать, были дѣтины рослые, здоровые) и на этомъ основаніи, гдѣ позволяло мѣсто, мы, можно сказать, летѣли почти птицей.

Вскрытіе пришлось производить, какъ водится, въ юртѣ, которую потомъ якуты, какъ трусы-дикари, сожгли до тла со всѣмъ, что въ ней было, выселившись даже въ окружности съ того мѣста, гдѣ произошелъ судебный случай.

На обратномъ пути мы ѣхали уже одни съ фельдшеромъ и испытали много треволненій.

Везли насъ, какъ однихъ, уже плохо, какъ говорится, черезъ пень колоду.

Мало того: насъ, незнавшихъ дороги, повезли уже другимъ путемъ и однажды среди глухой тайги и темной ночи мы едва не были брошены ямщиками-якутами подъ предлогомъ незнанія ими дороги. Это происходило за сотни слишкомъ верстъ. Долго фельдшеръ-якутъ перекорялся со своими родичами, пока они рѣшились подвинуться немного впередъ съ тѣмъ, чтобы потомъ остановиться подъ прежнимъ предлогомъ.

Въ такомъ передвиженіи, остановкахъ и перебранкахъ тянулось съ часъ время, пока удалось добраться до какого то жилья, откуда насъ увезли далѣе.

Въ одномъ мѣстѣ этого пути на протяженіи семидесяти верстъ былъ, да и то случайно, одинъ только хотонъ, въ который мы и заѣхали, чтобы обогрѣться и напиться чаю.

Вы думаете, какая «разделюція» была положена во врачебномъ отдѣленіи, когда я донесъ, между прочимъ, объ этомъ эпизодѣ грозившемъ намъ съ фельдшеромъ, незнавшимъ вовсе дороги, смертью?

А очень простая: «къ свѣдѣнію»!

Къ характеристикѣ хотонныхъ свычаевъ и обычаевъ якутовъ считаю нужнымъ добавить здѣсь, что молочные продукты получаются иной разъ такимъ образомъ: если коровы подъ давленіемъ пальцевъ недостаточно отдѣляютъ молока,

то якутки раздражаютъ имъ тѣми же пальцами анусъ и вульву, а для смазыванія сухихъ сосковъ употребляютъ жидкій коровій пометъ. Насчетъ такого способа доенія я видѣлъ даже «открытку».

Въ сунтарской инородной управѣ я встрѣтилъ однажды на пріемѣ почти шестидесятилѣтняго старика-якута, у котораго въ спинѣ, поддерживая постоянное гноетеченіе, сидѣлъ уже слишкомъ семь лѣтъ наконечникъ стрѣлы отъ лука, насторожекной на лося.

Инородецъ этотъ, безъ сомнѣнія, полагалъ, что для меня ровно ничего не стоитъ любымъ грязнымъ ножемъ при любой хлѣвной обстановкѣ вскрыть ему спину и достать оттуда остріе, такъ какъ на предложеніе явиться въ амбулаторію отказался. И сколько было такихъ случаевъ и недовольствъ изъ-за неоказанія помощи въ хлѣву.

А умиравшихъ, изъ числа которыхъ всѣ потомъ посѣщали амбулаторію въ удовлетворительномъ состояніи, было такъ много, что я потерялъ имъ счетъ.

Достаточно въ этомъ отношеніи упомянуть про тѣ случаи, когда якуты послѣ ковыряніи грязными пальцами въ носу получали незначительныя кровотеченія и тогда они уже думали, что истекаютъ кровью.

Въ конце [illegible] мнѣ пришлось побывать и въ селѣ Сунтарскомъ, представлявшемъ, какъ выражался мѣстный засѣдатель, «край свѣта».

Сюда я прибылъ въ первой половинѣ августа для пріема вновь выстроенной лечебницы имени Попова.

Лечебница эта была выстроена на пожертвованныя Поповымъ средства и состояла, кромѣ большого и малаго коридора, передняго и задняго крыльца, изъ служительской, кухни, комнаты для фельдшера, аптеки, двухъ палатъ, небольшого кабинета врача и операціонной въ четыре окна.

Лечебница была удовлетворительна, а по мѣстнымъ условіямъ и очень хороша и, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не могла идти въ сравненіе съ Нюрбинскимъ хоромомъ.

Поэтому по пріѣздѣ съ пріема ея 18 августа я представилъ врачебному отдѣленію о необходимости перевода участка въ вновь выстроенное зданіе лечебницы и.... сталъ ждать у моря погоды.

Возвратившись изъ-за Мегежека, я получилъ съ нарочнымъ предписаніе врачебнаго отдѣленія, переданное мнѣ врачемъ сосѣдняго 1-го участка и выселка прокаженныхъ, чтобы я въ виду замѣщенія имъ, какъ почетнымъ мировымъ судьею, недостающаго члена выѣздной сессіи якутскаго окружнаго суда, отправился бы, ни мало не медля, въ го-

ротъ Вилюйскъ, какъ командированный врачъ, для замѣщенія должности выселковаго врача и врача 1-го участка.

Получивъ еще въ октябрѣ отъ якутскаго окружнаго суда повѣстку на вызовъ въ качествѣ эксперта по тремъ уголовнымъ дѣламъ, зная, что другого врача здѣсь нѣтъ и не считая возможнымъ оставить выѣздную сессію несостоявшейся, я рѣшилъ остаться въ Нюрбѣ до пріѣзда суда, который долженъ былъ на-дняхъ прибыть. Такимъ образомъ у меня было уже два распоряженія начальства, одинаково обязательныя къ исполненію.

Хотя чего было проще послать сначала въ судъ писца за справкой, не вызванъ ли я въ качествѣ единственнаго эксперта на выѣздную сессію суда въ Марху, и сообразно этому поступить.

Затѣмъ я долженъ былъ гдѣ-нибудь пристроиться до прибытія изъ нѣдръ [illegible], такъ какъ занимаемую мной единственную квартиру въ Нюрбѣ я вынужденъ былъ изъ-за невозможнаго холода оставить и въ виду ожидавшагося (охъ! какъ долго пришлось ждать!) переѣзда въ село Сунтарское; я, чтобы не быть расквартированнымъ среди чистаго, бѣлаго снѣжнаго поля, переѣхалъ на время въ Нюрбинскую амбулаторію, всѣ видѣвшіе которую удивлялись ея крайней неблагоустроенности въ смыслѣ обыкновеннаго житейскаго обихода; но все же она представляла изъ себя болѣе удобное мѣсто для жилья, чѣмъ открытое снѣжное поле. Я еще ничего не сказалъ о цѣнахъ на продукты первой необходимости и о легкости ихъ пріобрѣтенія.

Мука ржаная, перемѣшанная со всѣмъ, чѣмъ хотите, съ ячменемъ, землей, стоила, да и то для васъ, господинъ докторъ, за пудъ 3 р. 20 к., да и по этой то цѣнѣ не всегда было можно достать ее; пшеничная такого же достоинства и на тѣхъ же условіяхъ по 3 р. 60 к. пудъ, пудъ картофеля 2 рубля, пудъ свеклы 4 рубля, сотня луку до 4—5 рублей, сажень дровъ 2 руб., если не дороже съ вывозкой, доставка почты пять рублей въ мѣсяцъ; пудъ мяса отъ 4 до 5 руб.

Прислуга, если и находилась временно, то это были грязные якуты, [illegible] отъ [illegible], и можно себѣ представить, что это была за прислуга даже и для Нюрбинскаго лечебнаго заведенія.

Причемъ якутка, напримѣръ, могла идти къ вамъ лично въ прислуги лишь только тогда, когда бы вы заинтересовались ея гениталіями, а онѣ были прикрыты дѣйствительно «невыразимыми» по грязи и смраду.

Если же вы никакого интереса къ этому не проявляли, то она, обиженная такою невнимательностью къ ея «прелестямъ», уходила отъ васъ.

Наступила уже зима, а я еще не имѣлъ денегъ на переводъ участка въ Сунтарское село.

Видя, что если я буду ждать получки этихъ денегъ, то останусь тутъ до весны, я рѣшился двинуться въ путь съ тѣми немногими личными деньгами, какія имѣлись у меня, лишь бы не тяготиться тюкой въ этомъ хотонѣ, именуемомъ Нюрбинской амбулаторіей.

Близились уже пятидесятиградусные морозы.

Надо было спѣшить.

А тутъ мнѣ какъ разъ порекомендовали очень хорошаго больничнаго служителя изъ политиковъ.

Значитъ, надо было пользоваться скорѣе.

За день до отъѣзда (29 ноября 1911 года) я получилъ, наконецъ, изъ врачебной коллегіи увѣдомленіе, въ которомъ писали, что въ дополненіе къ переведеннымъ деньгамъ на перевозку имущества участка и вообще на расходы по этому дѣлу,—гдѣ и когда я получилъ эти переведенные деньги, читатель узнаетъ ниже,—необходимо оставить въ Нюрбинскомъ селеніи фельдшера съ запасомъ лекарствъ. А все уже было сложено и какихъ хлопотъ это стоило!

Надо было опять часть распаковать.

Въ силу распоряженія, фельдшера пришлось оставить.

Акушерка тоже осталась, такъ какъ ждала у паціентки роды.

И двинуться мнѣ выпало такимъ образомъ одному въ сопровожденіи двухъ каторжанъ въ качествѣ служителей: одного личнаго, другого больничнаго, особенно рекомендованнаго за прекраснаго работника.

Что изъ сего движенія произошло съ такой «экскортой», читатель узнаетъ сейчасъ.

Прибылъ я въ село Сунтарское вечеромъ 5-го декабря 1911 года и остановился временно въ лечебницѣ, занявъ палату рядомъ съ операціонной.

Во время нашего пріѣзда въ лечебницѣ, ничего не было, кромѣ четырехъ стѣнъ. Лечебница по фронту занимала тринадцать сажень, не имѣя даже лишняго ведра на случай огнегашенія.

Благодаря любезности строителя лечебницы, вставившаго до нашего пріѣзда вторыя рамы, распорядившагося отапливать помѣщеніе, мы получили также и нѣкоторую простую мебель, давшую намъ возможность хотя на чемъ-нибудь сидѣть, ѣсть, пить, писать; онъ же распорядился доставлять временно воду. Мѣстомъ для ватера служило бѣлое снѣжное поле; потомъ уже я взмолился сдѣлать намъ для этой цѣли хотя какую-нибудь загородку.

Благодаря содѣйствію же строителя лечебницы, я началъ понемного приступать къ самому примитивному оборудова-

нію лечебницы вродѣ, напримѣръ, устройства плотничной работы полокъ для привезенныхъ и ожидаемыхъ лекарствъ въ аптекѣ, пока будутъ готовы шкафы и прочая обстановка, которую по мѣстнымъ условіямъ можно было здѣсь заказать. Начать немного дѣлать шаги къ устройству перегоннаго аппарата для воды въ аптекѣ.

Врѣзались замки въ двери, заказывались крючки къ разнымъ дверямъ, гдѣ не положено было по смѣтѣ имѣть нормальныхъ приборовъ. Приступали къ устройству теплаго ватера.

Благодаря мѣстнымъ условіямъ, шло все это крайне медленно, вяло.

Скоро прибыло нѣсколько ящиковъ съ годовымъ запасомъ лекарствъ на 1911 годъ, тѣмъ запасомъ, о которомъ врачебное отдѣленіе увѣряло меня въ свое время, что онъ поплыветъ одновременно со мной на пароходѣ.

Такъ шло и тянулось время въ самыхъ обыкновенныхъ мелочахъ по устройству хотя какого-нибудь житейскаго обихода въ лечебницѣ.

Зданіе уже почти совсѣмъ просыхало; когда я только что прибылъ, вездѣ въ углахъ было на четверть почти намерзшаго снѣга, превратившагося отчасти въ ледъ.

Все шло благополучно до позднаго вечера 14 декабря 1911 года.

Окончивъ дневныя хлопоты, уложивши около восьми часовъ вечера маленькую дочь свою спать послѣ съѣдобной ванны, я сѣлъ за только что пріобрѣтенный столъ (до него имѣлся единственный, да и тотъ корытообразный!) за письменную работу, которую разсчитывалъ закончить къ десяти часамъ, послѣ чего имѣлъ обыкновеніе уходить на кухню больницы коридоромъ съ кригаторомъ для устройства глазного душа.

На этотъ разъ я хотѣлъ сдѣлать это немного пораньше: но отчасти задержался по случаю того, что проснулась моя маленькая дочка, которую я не хотѣлъ оставлять одну, пока она не заснетъ.

Невдолгѣ она заснула, а я сѣлъ опять за работу.

Вскорѣ послѣ этого я услыхалъ небольшой шумъ и трескъ.

Первый я приписалъ вѣтру, который былъ тоже наканунѣ и началъ дуть послѣ вечера къ ночи, а трескъ, который всѣ мы часто ранѣе слышали, объяснили тѣмъ, что зданіе сохнетъ.

Такъ прошло еще нѣсколько времени. Какъ вдругъ я изъ коридора услыхалъ крайне тревожный окрикъ служителя лечебницы, а затѣмъ увидалъ и его самаго.

— Пожаръ! Спасите, докторъ, ребенка, а то всѣ пропадемъ!

Пораженный этимъ крайне тревожнымъ окрикомъ и не вѣря сообщенному (вѣдь, было двое мужчинъ!), я бросился изъ комнаты (палаты) въ большой коридоръ по направленію къ заднему выходу (передній былъ закрытъ, чтобы не дуло холодомъ въ коридоръ) и увидалъ, что задняя половина больного коридора вся ярко освѣщена выбрасывающимся пламенемъ во вновь дверь изъ служительской комнаты. Пораженный этимъ, въ тоже время я услышалъ второй еще болѣе тревожный окрикъ больничнаго служителя:

— Спасайте, докторъ, ребенка, а то всѣ пропадемъ!

Сорвавъ съ вѣшалки въ коридорѣ около моей комнаты первую попавшуюся одежду, я кинулся въ комнату (палату) къ дѣтской кроваткѣ, схватилъ, завернулъ во что то дочь въ одной рубашкѣ и бросился въ операціонную съ нею и служителемъ больничнымъ: задняя половина зданія уже занялась и снутри кухни, гдѣ металася, какъ потомъ оказалось, мой личный служитель, долго безуспѣшно открывая къ себѣ притворенную только больничнымъ служителемъ дверь, чтобы хотя сколько-нибудь воспрепятствовать проникновенію пламени изъ задняго въ передній коридоръ, наконецъ, мой служитель вспомнилъ, что дверь не имѣетъ еще запора, не заперта, а только лишь приперта, отворилъ отъ себя и выбѣжалъ въ коридоръ по направленію къ намъ.

Въ коридорѣ было уже достаточно ѣдкаго дыму.

Больничный служитель, по моему приказанію, разбивалъ двойныя рамы въ одномъ изъ оконъ операціонной, чтобы намъ вмѣстѣ спастись, и ко времени окончанія этого дѣла я уже начиналъ чувствовать себя плохо, благодаря прежнему недомоганію и накопляющемуся дыму.

Наконецъ, удалось разбить рамы, больничный служитель выскочилъ за окно, а я ему бросилъ на руки одѣтую въ одной рубашкѣ дочь, а личный служитель набросилъ на больничнаго служителя, держащаго на холоду спящаго ребенка, первыя попавшіяся шубы.

Затѣмъ я, не помня ,какъ это продѣлалъ, выскочилъ въ разбитую раму и началъ звать личнаго служителя, который стоялъ одно время около меня, а потомъ какъ то запутался въ коридорѣ вблизи операціонной, гдѣ какое-то барахло въ ящикѣ.

Я сталъ отчаянно его вызывать; это дало ему возможность направиться на звукъ и выскочить изъ окна съ ящикомъ никуда негоднаго барахла.

По колѣна въ сугробѣ, съ полураздѣтой дочерью на рукахъ, въ декабрьскую стужу я и оба служителя, держа какую-то теплую одежду, бросились бѣжать по направленію къ Сунтарскому селу, отстоявшему отъ лечебницы почти въ полутора верстахъ, чтобы вызвать кого-нибудь, если не на помощь, разсчитывать на которую не было возможности, то хотя въ качествѣ свидѣтелей происшествія.

Читателю, я думаю, и безъ объясненія понятна та драма, которая царила у меня въ то время въ душѣ подъ впечатлѣніемъ общественнаго и личнаго несчастія, въ которомъ я долженъ былъ играть пассивную роль и въ то же время сознавать, что я былъ невольнымъ участникомъ въ немъ, согласившись подъ давленіемъ «товарищей» прекрасно знавшихъ, какъ посѣщавшихъ, не разъ, людей и обстановку этого мѣста, служить во второмъ врачебномъ участкѣ Вилюйскаго округа.

Потому-то и скверно служить въ такихъ гиблыхъ мѣстахъ: если вы будете осторожны, то васъ подведутъ жестоко и безвозвратно.

Мы уходили отъ пылавшей уже внутри лечебницы, особенно сильно со стороны служительской комнаты.

Пока мы бѣжали, утопая въ снѣжныхъ сугробахъ, по направленію къ Сунтарскому селенію, мы услышали церковный набатъ, а затѣмъ намъ стали попадаться группы людей, направлявшихся къ пожару, который все быстрѣе и быстрѣе охватывалъ зданіе лечебницы, судя по все увеличивающемуся освѣщавшему намъ дорогу зареву.

Оставивъ дочь въ квартирѣ строителя горѣвшей лечебницы, первой на пути, я бросился опять на пожаръ, гдѣ уже пылала крыша, вылетали съ трескомъ и звономъ стеколъ двойныя рамы, особенно въ аптечномъ помѣщеніи, гдѣ стояли, какъ я уже сказалъ, только что дня три тому назадъ прибывшіе нѣсколько ящиковъ съ разными сухими, жидкими, масленистыми и горючими, взрывчатыми веществами, что, конечно, только придавало силу пламени.

Я не сталъ дожидаться окончанія пожара, затушить который не было никакой возможности, а отправился съ сельскимъ старшиной въ квартиру строителя сгорѣвшей лечебницы, гдѣ, крайне разстроенный всѣмъ происшедшимъ, едва могъ написать донесеніе о случившемся областному начальству и сдѣлать вызовъ засѣдателя для производства дознанія.

Въ лечебницѣ погибло, какъ все казенное имущество въ томъ числѣ вся аптека, исключая части, оставшейся на Нюрбѣ, всѣ инструменты (не очень то порядочные), стерилизаціонный и дестилляціонный аппараты, перевязочныя

принадлежности, такъ и все мое личное достояніе: я остался только въ томъ плохомъ платьѣ, въ которомъ былъ въ тотъ день вечеромъ, а малолѣтняя дочь въ одной рубашкѣ. Да случайно уцѣлѣли двѣ шубы, наброшенныя впопыхахъ на дочь, когда она, полураздѣтая, была въ сильный морозъ за окномъ на рукахъ у служителя лечебницы.

Сгорѣло у меня все, начиная съ моихъ и дочериныхъ документовъ, моихъ личныхъ медицинскихъ инструментовъ разныхъ принадлежностей, патентованныхъ дѣтскихъ средствъ, дорогихъ атласовъ, изданій, книгъ, журналовъ, газетъ, одежды, бѣлья, обуви, золотыхъ и серебряныхъ вещей, часовъ, масса дорогихъ фотографическихъ діапозитивовъ по анатоміи и физіологіи человѣка, все хозяйство.

Думаю, что всѣ мы остались живы, только благодаря тому, что прискорбное событіе случилось съ нами. Пока мы еще только готовились ко сну, а то едва ли бы мы вышли изъ зданія, которое горѣло очень быстро.

Мои предположенія о причинѣ пожара и быстроты его распространенія свелись вотъ къ чему: климатъ якутской области крайне сухой, здѣсь сохнетъ все крайне быстро.

При этомъ условіи лѣсъ зданія какъ предназначеннаго для жилья, выбирался и безъ того наиболѣе сухой изъ имѣвшагося строительнаго матеріала, затѣмъ онъ высыхалъ, когда строился, продолжалъ сохнуть выстроенный и особенно подсохъ во время просушиванія зданія теплой весной.

Сухой и при томъ по породѣ горючій матеріалъ отличался, разумѣется, особенно предрасположенностію къ вспышкѣ отъ сравнительно слабаго огня, который произвелъ бы лишь незначительный эффектъ въ смыслѣ вреда въ помѣщеніи менѣе сухомъ, чѣмъ сгорѣвшее зданіе лечебницы, представлявшее въ этомъ отношеніи изъ себя, можно сказать, почти костеръ, который могъ вспыхнуть, и при томъ быстро, отъ любого небольшого источника огня, каковымъ могла быть случайно лопнувшая керосиновая лампа, оставленная непотушенной по свойственному безпутству въ служительской, хотя бы она и висѣла на капитальной стѣнѣ, а не на совершенно высохшей переборкѣ.

Достаточно было этому, сравнительно ничтожному источнику забытаго свѣта, коснуться по какой-либо несчастной случайности сначала стѣны, а затѣмъ находящейся невдалекѣ отъ него сухой досчатой переборки, какъ уже онъ превратился постепенно въ пламя, быстро, благодаря изложенной причинѣ, пожравшее все зданіе.

Большую роль сыграла въ этомъ печальномъ событіи и значительная протяженность зданія достигавшая трехъ-

цати саженъ и при хорошихъ противопожарныхъ средствахъ, даже во время прибывшихъ, едва ли бы удалось отстоять все зданіе; въ лучшемъ случаѣ могла уцѣлѣть часть его, если принять при томъ во вниманіе, что во время пожара былъ вѣтеръ, къ счастію, въ противоположную сторону отъ села Сунтарскаго.

Послѣ того, какъ лечебница и я погорѣли до тла, рекомендатель больничнаго служителя прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ изложилъ на счетъ его, что когда онъ впервые явился къ нему за рекомендаціей, то рекомендовавшій попросилъ его указать тѣхъ полицейскихъ, кто знаетъ его и кто можетъ въ глазахъ рекомендателя имѣть значеніе.

Будущій отличный служитель заявилъ рекомендателю, что онъ знаетъ одного, другого, съ которыми судился по одному дѣлу.

На требованіе принести рекомендателю отъ этого лица записку, будущій отличный больничный служитель ловко увернулся, передавъ рекомендателю, что тотъ удивленъ его официальнымъ требованіемъ, почему и отказался писать.

Разслѣдствія и не такъ ужъ поздно, чтобы нельзя было во время мнѣ дать знать, оказалось, что имѣвшій въ глазахъ рекомендателя значеніе политикъ, не зная отличнаго больничнаго служителя, отказался принимать какое-бы то ни было участіе; а другой зналъ его съ дурной стороны, такъ какъ отличный больничный служитель, за честность и порядочность котораго рекомендатель ручался, кромѣ того, лично передо мной своей головой, будучи пьяницей, просидѣлъ за какую-то уголовщину около года по судебному приговору въ Якутской тюрьмѣ.

Разумѣется, будь бы со мной фельдшеръ, то, какъ расквартированный противъ служительской комнаты, онъ все же имѣлъ бы возможность во время замѣтить и предотвратить грозившую опасность, да и отличный больничный служитель, имя за собой близко линіи глазъ, все же бы держался, быть можетъ, по осторожнѣе: а я бы не замедлилъ съ нимъ разстаться. Произведенное дознаніе, констатировавшее лишь, что пожаръ начался со служительской комнаты, было направлено за неимѣніемъ состава преступленія на прекращеніе, что и состоялось, исключая «отличнаго» служителя, противъ котораго было предъявлено обвиненіе по 91 ст. Уст. о наказаніяхъ.

Еще до отъѣзда изъ Нюрбы, я сдѣлалъ попытку вновь перепроситься въ первый врачебный участокъ Вилюйскаго округа, т. е. туда, куда мнѣ было давно обѣщано: но получилъ отвѣтъ, что начальство ничего не имѣетъ противъ такого перемѣщенія, но только при условіи, если будетъ замѣщена должность врача 2-го участка, которой я,

какъ командированный врачъ. завѣдывалъ; на что, разумѣется, надежды никакой не было, и подобный отъѣздъ былъ лишь канцелярской отпиской.

Было 19 декабря 1911 года, когда я выѣхалъ утромъ въ пятидесятиградусный морозъ изъ села Суntарскаго по направленію къ Нюрбу — Вилюйскъ въ областной городъ Якутскъ.

Оставаться здѣсь я не могъ потому, что не имѣлось въ виду квартиры, у меня ничего не было, да и достать здѣсь ничего нельзя было.

Одѣвшись кое-какъ съ дочерью въ кредитъ, мы вынуждены были двинуться въ самые ужасные пятидесятиградусные морозы, когда въ воздухѣ стояла такая мгла, что съ трудомъ приходилось различать запряженную гусемъ тройку лошадей. Ждать, когда перемежатся морозы, было нельзя потому что не гдѣ было жить, да и наступалъ уже по обычнымъ условіямъ такой сезонъ морозовъ.

Ѣхали, конечно, «хотонами»

Первый перегонъ равнялся пятидесяти верстамъ и въ дальнѣйшемъ не составлялъ исключенія.

Въ теченіе этого перегона мы сдѣлали двѣ остановки, чтобы хотя сколько-нибудь обогрѣться въ «хотонахъ» и дать возможность передохнуть хотя сколько-нибудь лошадямъ, задыхавшимся въ сухомъ морозномъ воздухѣ.

На пути до Вилюйска немножко только передохнули на подобіяхъ земскихъ квартиръ въ Нюрбѣ, да въ Верхневилюйской инородной управѣ, не доѣзжая почти ста верстъ до Вилюйска. Бывали иной разъ такія «станціи», что въ нихъ паръ шелъ клубомъ не только при усиленномъ дыханіи, но даже и при разговорѣ.

Деньги на переводъ участка, о чемъ приказъ состоялся еще 22 сентября 1911 года, о которомъ мнѣ такъ и не дали знать, я получилъ уже по пріѣздѣ въ Вилюйскъ, т. е. послѣ того, какъ уже все сгорѣло.

Передохнувши полтора сутокъ въ Вилюйскѣ, закупивъ кое-что изъ продуктовъ на дальнѣйшій путь, я двинулся изъ него 30 декабря по направленію къ Якутску, куда прибылъ 7 января 1912 года, перенеся въ пути вмѣстѣ съ дочерью катарральное воспаленіе въ легкихъ. Ѣхать такъ долго довелось потому, что нѣкоторыя станціи приходилось тянуться съ 8 часовъ утра и до 4 –5 часовъ вечера, когда уже наступала безпросвѣтная тьма по всей землѣ якутской и двигаться далѣе при такихъ условіяхъ и на подобныхъ россинантахъ представлялось уже прямою опасностью для жизни.

Не пріѣзжая въ Якутскъ я получилъ два противорѣчивыхъ распоряженія: одно гласило, и давайте сюда все про-

ченіе насчетъ перевода васъ врачемъ перваго участка Вилюйскаго округа, а другое: ни въ какомъ, случаѣ не двигайтесь никуда изъ Нюрбы!

Но то и другое предложеніе уже запоздали и я оставилъ этотъ округъ съ тѣмъ, чтобы никогда въ жизни не возвращаться туда. Навѣрное, читателю извѣстно, что Якутская область одна изъ самыхъ привилегированныхъ по преимуществамъ службы и, однако, мало кто въ нее блетъ, и кто имѣлъ несчастье попасть въ нее, стремится исчезнуть изъ нея при первой возможности.

Отчего это происходитъ?

Много на это есть причинъ и какъ на главныя можно указать на слѣдующія.

Мѣстная администрація никогда не интересовалась областными нуждами.

Достаточно въ этомъ отношеніи сослаться на тотъ общеизвѣстный фактъ, что до сихъ поръ нѣтъ по области колеснаго пути, и на то, что въ числѣ администраторовъ области бывали и при томъ въ теченіе почти двухъ лѣтъ лица, завѣдомо, не въ здравомъ умѣ. И если Якутскъ соединенъ теперь телеграфнымъ проводомъ съ міромъ, то это случилось, опять таки благодаря стараніямъ золотопромышленниковъ, собравшихъ для начала дѣла въ шестилесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія нѣкоторую сумму и поднесшихъ ее одному изъ вицероевъ въ Иркутскѣ.

Казалось бы, долгъ администраціи былъ двинуть начатое дѣло; однако, всего одиннадцать лѣтъ, какъ проведенъ телеграфъ до Якутска.

Разумѣется, если бы существовалъ колесный путь, кто нибудь, быть можетъ, и по добру заверулъ и привезъ что-нибудь, кромѣ водки, въ этотъ гиблый край.

Задавшись одно время стремленіемъ изобразить изъ себя радѣтеля о благѣ населенія, страдая потугами оказать медицинскую помощь, надо было также и задаться вопросомъ, въ чемъ же будутъ помѣщаться лечебныя заведенія, гдѣ будетъ ютиться медицинскій персоналъ. Хорошо, безъ сомнѣнія, быть благодѣтелемъ на чужой счетъ: но расквартированіе одно время лечебныхъ заведеній и врачей по юртамъ составляло профанацію медицины, не говоря уже о томъ, что подобное расквартированіе ставило въ глазахъ якута эту медицину и ея представителей ниже даже земскихъ ярлыкъ, для бумагомаранія которыхъ устраивались приличныя помѣщенія.

Всѣмъ и каждому хорошо извѣстно, что при открытіи новаго прихода дается квартира, отопленіе, освѣщеніе, руга священнику и для церкви прислуга въ видѣ трапезниковъ.

Что же дается врачу, прибывшему на службу въ этотъ дикій, непривѣтливый, негостепріимный, гиблый край?

Въ большинствѣ случаевъ почти что ничего. Онъ пріѣзжаетъ на участокъ и рѣшительно не знаетъ, гдѣ онъ будетъ жить, какъ продовольствоваться и кто его будетъ обслуживать и не только его, но даже и лечебное заведеніе. Иной разъ онъ ничего не можетъ достать ни за какую плату, ни за какую цѣну.

Кромѣ того, необходимо было точно разъяснить населенію, какія именно обязанности лежатъ на сельскихъ врачахъ и это отъ поры до времени повторять во избѣжаніе разныхъ напрасныхъ огорченій и недоразумѣній съ обѣихъ сторонъ, а не рядиться въ перья, пухъ лебяжій и изображать изъ себя разныхъ соломоновъ. Вѣдь, никакому больному прихожанину никогда и въ голову не придетъ вызвать священника для той или другой требы чрезъ земскихъ ярыжекъ, а и тѣ, если бы онъ обратился къ нимъ съ этой просьбой, всегда отвѣтятъ, что это не ихъ дѣло, тѣмъ болѣе не напишутъ казенной бумаги, чтобы воздѣйствовать!

А на счетъ врача—это дѣло другое; это, можно сказать, разсыльный мѣстныхъ земскихъ ярыжекъ.

Вслѣдствіе этого у населенія составилось убѣжденіе, что врачъ, не говоря уже о фельдшерахъ, находится въ распоряженіи полиціи и въ дѣлѣ врачеванія вопреки 6-ой статьи устава врачебнаго изданія 1905 года.

Благодаря этому, у населенія укоренился также взглядъ, что врачъ обязанъ лѣчить при всякихъ условіяхъ и даже хлѣвныхъ

Вмѣсто того, чтобы замѣнять трудъ врачей осужденнымъ уже въ метрополіи фельдшеризмомъ, слѣдовало бы подумать объ организаціи здѣсь болѣе дешевой школы ученыхъ сидѣлокъ, какъ это сдѣлано, напримѣръ, давно уже въ Кишиневѣ, и такимъ образомъ создать штатъ того, въ чемъ дѣйствительно нуждается всякое лечебное заведеніе, а не выпускать липъ, дѣятельность которыхъ можетъ быть охарактеризована въ лучшемъ случаѣ только съ отрицательной стороны.

Я не говорю уже о томъ, что область нуждалась и нуждается въ просвѣщеніи и заселеніи, ея такимъ переселенцемъ, глядя на домашній укладъ котораго, якутъ начиналъ бы терять охоту къ его скверному времяпрепровожденію, сказывающемуся въ карточной игрѣ и въ хвастовствѣ, что онъ посѣялъ много хлѣба, напримѣръ, пять фунтовъ въ пропорцію на цѣлый годъ, а водки 5 фунтовъ онъ можетъ потребить безъ какой-либо надсады въ теченіе сутокъ и сказать, что это только въ самый разъ.

Въ заключеніе замѣтьте, читатель, что никто и никогда не спроситъ васъ, какъ вы живете и работаете на участкѣ.

Единственная забота, которая снѣдаетъ эту «инспекцію», это благовременный учетъ прогоннаго кредита, да полученіе «пособія» за какое-то дѣлопроизводство по сельсковрачебной части.

Даже и то немногое, что положено по жалкимъ «канцеряльскимъ» штатамъ и расписаніямъ, вамъ приходится съ превеликимъ трудомъ и всякими огорченіями вырывать изъ поистинѣ желѣзныхъ объятій вашихъ сотоварищей по профессіи.

— Слушайте, что они вамъ говорятъ, но по дѣламъ ихъ не поступайте,—заключаете вы подъ конецъ.

Нохтуйское, 1 мая 1912 года.

Врачъ *А. М. Серебренниковъ.*

199731